

Горький хлеб ИСТИНЫ

Иван Стаднюк

SHOUT **IT**
SHARE

- Стаднюк Иван

Стаднюк Иван

Горький хлеб истины

Иван Фотиевич СТАДНЮК

Горький хлеб истины

Драма

Действующие лица

Л ю б о м и р о в А л е к с е й И в а н о в и ч - генерал-майор
медицинской службы, 50 лет

С т у п а к о в И в а н А л е к с е е в и ч - подполковник
медицинской службы, 43 лет

В е р а С т у п а к о в а - его дочь, 19 лет

С а в и н о в В л а д и м и р Т а р а с о в и ч лейтенант-
разведчик, 25 лет (в эпилоге - ответственный работник
министерства)

М а р и н а Г о р д е е в н а - его мать, 70 лет

К р и к у н о в С т е п а н С т е п а н о в и ч - полковник
медицинской службы, 35 лет.

К и р е е в а А н н а И л ь и н и ч н а - майор медицинской
службы, 40 лет

Г а р к у ш а П о л и н а - капитан медицинской службы, 25
лет

Ц а ц а С в е т л а н а С в я т о з а р о в н а - лейтенант
медицинской службы, 25 лет

С е р а ф и м а - медсестра

Р ы ж е у с ы й - рядовой пехоты, 35 лет

Л е й т е н а н т-п и р о т е х н и к А л е ш а - сын Савиновых,
18 лет

П е р в ы й с а н и т а р

В т о р о й с а н и т а р

А р т ю х о в - майор медслужбы

Действие происходит летом 1943 года где-то на Западном
фронте. В прологе и эпилоге - 20 - 25 лет после войны.

ПРОЛОГ

Просторная гостиная. Современная мебель. Среди картин
выделяется портрет Гагарина как примета времени. На видном
месте увеличенная фотография Веры Ступаковой в форме
медицинской сестры.

По гостиной нервно прохаживается С а в и н о в. Он в очках, в
домашней куртке; заметно хромает - у него протез.

В кресле сидит со спицами в руках М а р и н а Г о р д е е в н а; она вяжет.

С а в и н о в (достаёт из кармана брюк монетку). Упадёт гербом поступил наш Алеша, упадёт решкой - не приняли. (Подбрасывает монету, затем поднимает её с пола, рассматривает.) Решка!.. Неужели провалился?

М а р и н а Г о р д е е в н а. Другие отцы где-то хлопочут, кого-то просят, убажают... А он монеткой играет, чтоб сына в институт приняли. Комедия...

С а в и н о в. Мама... Милая и дорогая наша Марина Гордеевна! Ты учила меня с самого детства: живи, сынок, честно, ходи на своих ногах... Но почему их так долго нет?

М а р и н а Г о р д е е в н а. Скоро будут... Успокойся, сынок.

С а в и н о в. Ладно, пойду продолжу свои мучения за письменным столом. (Уходит.)

В прихожей раздаётся звонок. Марина Гордеевна встает из кресла и через всю гостиную спешит открыть дверь. Скрывается за сценой. Слышен её голос: "Да, да, это его квартира... Я его мама. Входите, пожалуйста. Шляпу и трость можно сюда... Прошу вас..."

Входят С т у п а к о в и М а р и н а Г о р д е е в н а. Ступаков (он при бороде и усах) держит в руках чемоданчик и газету, осматривается.

М а р и н а Г о р д е е в н а. Что сказать о вас Володе... э-э... Владимиру Тарасовичу?.. Он не говорил, что ждёт кого-то...

С т у п а к о в. Простите... Мне очень нужно повидать его. Буквально на две-три минуты. Не больше...

М а р и н а Г о р д е е в н а. Вообще-то... Если вы с просьбой или жалобой, то Владимир Тарасович принимает только в министерстве.

С т у п а к о в. Нет-нет. Я не с просьбой... У меня только единственный вопрос к товарищу Савинову. И очень важный. (Развертывает газету.) Вот тут, в газете, его прощальное слово на панихиде по моему фронтовому коллеге... (Неожиданно замечает на стене портрет Веры. Замирает, потрясенный... Делает к нему шаг, другой, берется рукой за сердце.) Простите... Откуда у вас этот портрет?

М а р и н а Г о р д е е в н а (с удивлением). То есть как откуда? (Обеспокоенно.) А в чем, собственно, дело? Это... это... жена Воло... Владимира Тарасовича.

С т у п а к о в (тяжело опускается на стул, проводит рукой по глазам). Неужели такое сходство?.. (Опять присматривается к фотографии.) Не понимаю...

М а р и н а Г о р д е е в н а. Но в чем, собственно, дело?

С т у п а к о в. Это Вера...

М а р и н а Г о р д е е в н а. Да, это Вера... жена Володи...

С т у п а к о в (словно не слыша). Я храню дома такую же

фотографию... Это моя покойная дочь!..

М а р и н а Г о р д е е в н а (уже строго). Простите, вы обознались... Это Вера Ивановна Савинова, жена моего сына... (Оглядывается.) Я вам сейчас позову Володю.

С т у п а к о в (останавливает ее). А как ее девичья фамилия?

М а р и н а Г о р д е е в н а. Девичья? (Припоминает.) Ступакова. Да, да... Вера Ивановна Ступакова.

С т у п а к о в (встает, нервно складывает газету). В таком случае позвольте представиться: Иван Ступаков!

М а р и н а Г о р д е е в н а. Вы - Ступаков? Вы отец Верочки? (Указывает на портрет.) Вы живы?!

С т у п а к о в (убито). Как видите... А ее нет... (Громче.) Ее нет!..

М а р и н а Г о р д е е в н а. Вы ошибаетесь! Она жива! Она сейчас придет!.. Боже мой, что же это такое? (Смотрит на дверь и зовет.) Володя!.. Володя!

В гостиную входит, прихрамывая, С а в и н о в. Снимает очки, напряженно вглядывается в бородатое лицо Ступакова. И вдруг, узнав, потрясенно отшатывается.

Ступаков растерян, ждет от Савинова каких-то слов...

С а в и н о в (строго). Вы?!

М е д л е н н о е з а т е м н е н и е.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Деревенская изба. Стекла в окнах крест-накрест заклеены полосками бумаги. За столом полковник медицинской службы К р и к у н о в начальник санитарного отдела действующей армии. На столе - документы. Раздается телефонный звонок. Крикунов снимает трубку.

К р и к у н о в. Да, я - "Сосна". Первый у аппарата... И я вас приветствую... Да, ведем разъяснительную работу среди командиров. А то на марше во время привалов забывают, что и медсестрам тоже надо по нужде... И это учтем... А вы в курсе, что погиб наш армейский хирург?.. Да, представили... Что? Уже назначен на его место?! Благодарю! А то без главного хирурга очень трудно... (Слышится грохот далекой бомбежки.) Алле! Алле!.. Опять обрыв. (В сердцах кладет трубку.)

Входит подполковник медслужбы С т у п а к о в.

С т у п а к о в. Разрешите?

К р и к у н о в. А-а, легок на помине, товарищ бывший начальник госпиталя! Заходи! (Встает навстречу Ступакову.)

С т у п а к о в. Здравия желаю, товарищ начсанарм! (Здоровается за руку.) Говорите, "бывший"?.. Значит, все-таки состоялось?

К р и к у н о в. Состоялось. Поздравляю! Приказ, наверное, уже в дороге... Получим и... подполковник Ступаков Иван Алексеевич торжественно вступит на пост главного армейского хирурга! Взлет немаленький! (Хлопает Ступакова по плечу.) Так что с тебя причитается. Не отвертись!

С т у п а к о в. Согласен... Но только тогда, когда увижу приказ своими глазами. А то иной раз случается...

К р и к у н о в. Не сомневайся! Сейчас мне по телефону сказали: "Назначен на место погибшего новый главный!.."

С т у п а к о в (достаёт из полевой сумки документ). Ну а пока я ещё начальник госпиталя. Вот завизируйте, Степан Степанович, нашу заявку на медикаменты... Там ждёт мой человек с доверенностью... лейтенант Цаца.

К р и к у н о в (берёт документ, садится за стол). Цаца, говоришь? Зови своего Цацу. (Читает.)

С т у п а к о в (приоткрыв дверь, зовет). Лейтенант Цаца!

Входит С в е т л а н а Ц а ц а, отдаёт честь.

Ц а ц а. Лейтенант медслужбы Цаца по вашему приказанию!..

К р и к у н о в (с интересом рассматривает молодую женщину). О-о, вот так Цаца!.. Ничего себе... (Затем что-то черкает в документе.)

Ц а ц а (встревоженно). Товарищ начсанарм, не сокращайте! Пожалуйста, не сокращайте! И не вычеркивайте! Там все учтено правильно, без излишеств.

К р и к у н о в. А если у вас больно велики аппетиты кое на что?.. А, товарищ Цаца? (Протягивает ей накладную.)

Ц а ц а. Нормальные аппетиты, товарищ полковник!.. (Придирчиво рассматривает накладную.) Разрешите идти?

К р и к у н о в. Если нет претензий, идите...

Ц а ц а. Претензии есть, товарищ полковник!

С т у п а к о в (настороженно). Какие ещё претензии?!

Ц а ц а (шутливо). Холостяков в нашем полевом госпитале не хватает!

Ступаков досадливо морщится.

К р и к у н о в (смеется). А почему в заявке не указали?

Ц а ц а (косится на Ступакова). Да графы нет такой в бланке!

К р и к у н о в. Верно, графы такой нет... Да, но у вас же начальник госпиталя холостяк! (Указывает на Ступакова.)

Ц а ц а (кокетливо). Товарищу подполковнику нравится хирург товарищ Киреева. Так что он не в счет.

С т у п а к о в (сердито). Лейтенант Цаца, не болтайте глупостей!

Ц а ц а (невинно). Разве любовь - глупость?

К р и к у н о в. Да что вы! Если такой серьезный человек, как

начальник госпиталя, любит...

С т у п а к о в (смущенно). Степан Степанович, помилуйте. Все это шутики... При мне в госпитале взрослая дочь!

К р и к у н о в. А это вот непорядок. (Улыбается.) Взрослую дочь надо замуж выдать. Верно?

Ц а ц а (весело). Верно! У Верочки и жених есть!.. Такой лейтенантик в команде выздоравливающих - пальчики оближешь!

С т у п а к о в. Лейтенант Цаца, прекратите нести вздор! Хватит!..

Ц а ц а. Есть прекратить и есть хватит!..

К р и к у н о в. Ну, почему же вздор?! (Весело потирает руки.) А по-моему, все правильно! Надо выдать замуж дочь, а потом женить и холостого отца!.. (Указывает на Ступакова.) Молодой, красивый - кровь с молоком!

С т у п а к о в. Я не холостяк, Степан Степанович, я вдовец.

Ц а ц а (посерьезнев). А я вдова! С сорок первого - уже более двух лет.

К р и к у н о в (продолжает игру). Тем более!.. Но как же тогда быть с хирургом Киреевой?

Ц а ц а. А она замужняя! Да и не по душе ей наш подполковник.

С т у п а к о в. Лейтенант Цаца!..

К р и к у н о в (улыбчиво). Не шуми, Иван Алексеевич! (К Цаце.) А разность ваших возрастов вас не смущает?

Ц а ц а. Нисколько! (Указывает на Ступакова.) Очень даже хороший возраст. Зрелый!.. А после войны еще не такие возрасты пойдут в ход.

С т у п а к о в. Это уже совсем не смешно! Хватит!

Раздается телефонный звонок.

К р и к у н о в (берет трубку, но вначале говорит Цаце). Идите, а мы тут посоветуемся и примем решение.

Ц а ц а. А вы приказ напишите!

К р и к у н о в. Это мысль. (В трубку.) Да! Крикунов слушает!

Ц а ц а (отдает честь, поворачивается кругом и печатает шаг к выходу. У двери останавливается). А что?.. Почему бы мне и не вкрутить подполковника?.. Не так уж и стар он... А?.. (Уходит.)

К р и к у н о в (в трубку). Да, бомбежка оборвала линию... Не договорили. (Смотрит на Ступакова.) Хороша вдовушка!.. (Затем в трубку.) Это не вам!.. Да! Да! Я правильно понял: на место погибшего главного армейского хирурга назначен подполковник медслужбы Ступаков.

В это время доносится шум самолета и стрельба зенитных орудий.

Минуточку, не слышу!

Незамеченным входит генерал медслужбы Л ю б о м и р о в. Останавливается у порога и ставит на пол чемодан. Крикунов и Ступаков стоят к нему спиной. Шум самолета стихает.

Теперь слышу!.. Да, Ступаков, начальник лучшего госпиталя!.. Превосходный хирург! Что?.. Неправильно понял?.. Это почему?.. Какого генерала?..

Взволнованный Ступаков тоже подходит к телефону.

Зачем же вы мне, полковнику, посылаете в подчинение генерала?! На кой дьявол он мне?! На эту должность нужен работяга. Понимаете, работяга с золотыми руками и бычьим здоровьем, а не генерал!.. И все-таки я прошу и настаиваю назначить Ступакова!..

Любомиров, покачав головой, на цыпочках выходит из комнаты. Крикунов и Ступаков оглядываются на скрипнувшую дверь, с удивлением замечают чемодан.

Что за чертовщина?.. (Отвернувшись, в трубку.) Это не вам!.. Да я-то понимаю! Но чем выше чин, тем больше амбиции.

Слышится стук в дверь.

Войдите!.. (Затем снова в трубку.) Это не вам!..

Входит Л ю б о м и р о в. Его замечает только Ступаков и замирает в неестественной позе. Крикунов продолжает разговаривать.

Да! Конечно!.. Работяга нужен, с железным здоровьем! Чтоб по медсанбатам и медсанротам мотался! А генерал ваш будет в обнимочку с грелкой и, разумеется, с хорошей бабенкой отсиживаться в армейских тылах! (Ступаков не выдерживает, толкает Крикунова под бок. Крикунов, заметив Любомирова, умолкает, смотрит на него с изумлением. Опускает трубку. Оторопело.) Алексей Иванович?.. Не верю глазам своим!.. Какими судьбами, учитель? (С распростертыми руками идет навстречу.)

Л ю б о м и р о в (взяв под козырек). Товарищ начсанарм! Генерал-майор медицинской службы Любомиров прибыл в ваше распоряжение на должность главного армейского хирурга!.. Что, расстроены?

К р и к у н о в. Вы?! В мое распоряжение?.. С ума можно сойти!..

Л ю б о м и р о в. Зачем же? Потому, что вам обязательно нужен товарищ Ступаков? (Кивает на Ступакова.)

К р и к у н о в. Нам главный хирург нужен... Ждем его как соловей лета! Тем более что лето для немцев будет очень жарким. (Отводит от Ступакова виноватый взгляд.)

Л ю б о м и р о в (смеется). Слышал, как ждете. (Здоровается за руку). Ну, здравствуйте, Степан Степанович! (Обнимаются.) Рад вас видеть, дорогой мой полковник, в веселом здравии и

блеске славы. (Кивает на грудь Крикунова, где поблескивают два ордена Красной Звезды. Такие же ордена рядом с орденом Ленина на груди Любомирова.)

К р и к у н о в. Не нахожу слов!.. В нашей армии сам Любомиров! Но как это понимать: бросили в Москве клинику, кафедру - и на фронт?

Л ю б о м и р о в. Э-э, голубчик, я уже третий год по фронтам кочую. (Направляется к Ступакову.) А сейчас из госпиталя, после ранения под Киевом. (Подает Ступакову руку.) Здравствуйте, Иван Алексеевич!

С т у п а к о в. Здравия желаю, Алексей Иванович!

Л ю б о м и р о в. Когда мы расставались, вы, помнится, были в чине капитана. Значит, наука пошла на пользу?

С т у п а к о в. Так точно, товарищ генерал!

Л ю б о м и р о в. "Так точно" - в медицине понятие приблизительное.

С т у п а к о в. Эти годы пошли мне на пользу.

К р и к у н о в (изумленно). Да я вижу, вы тоже знакомы?!

С т у п а к о в. Я обязан генералу Любомирову тем, что он в сорок первом послал меня с фронта учиться на курсы... А потом... вот... я стал начальником госпиталя.

Л ю б о м и р о в. А сейчас метили на пост главного хирурга армии... Но все-таки надо иметь мужество отказываться от должностей, которые вам не по силам. Важно быть на своем месте, товарищ Ступаков. В ваших же интересах. Ведь война достигла апогея.

Крикунов слушает пораженно.

С т у п а к о в (сухо). Я не привык отказываться от трудных заданий, особенно когда впереди тяжелые сражения.

Л ю б о м и р о в. Главный хирург - это не задание... Это призвание... И при этом высочайшее... Это, не забывайте, человеческие жизни! Тысячи жизней!

За сценой слышны сигналы машины.

С т у п а к о в (строго официально Крикунову). Товарищ начсанарм, мне пора! Разрешите идти?

К р и к у н о в (бросает вопросительный взгляд на Любомирова). Пожалуйста, идите.

С т у п а к о в, щелкнув каблуками и отдав честь, не глядя на Любомирова, выходит.

Н а п р я ж е н н а я п а у з а.

Л ю б о м и р о в (присаживаясь на табурет). Так, говорите, ждали как соловей лета? (Посмеивается.) Ну а как же все-таки насчет грелок и бабенки?

К р и к у н о в. Помилуйте, Алексей Иванович! Откуда же мне

было знать, что разговор идет о вас? Подумал, раз хирург в генеральском чине...

Л ю б о м и р о в. Значит, обязательно старая калоша?

К р и к у н о в. Ну, не совсем так, но все же... А как понять вашу строгость к Ступакову?

Л ю б о м и р о в. Да, конечно, у меня возраст, к сожалению, действительно не юношеский. Что поделаешь... Только женщины стараются, чтобы река их жизни после тридцатилетия потекла вспять...

К р и к у н о в. При чем тут возраст? А ваши знания, опыт, ваше имя! Помните, как вы когда-то говорили нам, студентам вашим: "Не тот стар, кто далек от колыбели, а тот стар, кто близок к могиле"? Моя бы власть, я ваши погоны увенчал бы полным комплектом звезд!.. Алексей Иванович, я не понял, что здесь у вас со Ступаковым произошло...

Л ю б о м и р о в (посмеивается). Потом поймете... В мире медиков, ну... еще, может, писателей, художников вообще можно бы обходиться без званий... Я уверен: истинную одаренность не обозначить никакими чинами, если речь идет не о ступенях армейского подчинения. Ну, разве вашему скальпелю нейрохирурга поможет полковничий или генеральский погон?..

К р и к у н о в. Золотые слова!.. А помните, Алексей Иванович, как вы с кафедры говорили о трех главнейших профессиях на земле?

Л ю б о м и р о в (улыбается). Если говорил в пору молодости, то, наверное, пересказывал чужие мысли. Впрочем, от повторения истина не стареет, и Парнас давно опустел бы, если бы прогнали оттуда подражателей.

К р и к у н о в. Я подобного не встречал. Чайку с дороги? Или, может, коньячку?

Л ю б о м и р о в. Давай с чайку начнем. С удовольствием чайку выпью.

К р и к у н о в (ставит на стол маленький самовар, берет полешко и неторопливо начинает откалывать ножом щепки). Помню, вы говорили тогда, что есть три высочайшие профессии. Первая - профессия матери, которая дает человеку жизнь; вторая - учителя, который учит его; и наконец, врача...

Л ю б о м и р о в. Ну, это все - дважды два, Степан Степанович... К тому же добавлю, что материнство из всех трех - это самое главное, возвышенное, беспредельное... Это любовь, которая творит и созидает... Да и само материнское сердце есть гениальнейшее творение любви... Человек же вообще, со всем его внутренним миром, есть бесценный продукт любви материнского сердца. Нам, медикам, это особенно надо помнить, иначе мы

постепенно превратимся в... Ступаковых.

К р и к у н о в. Алексей Иванович, не томите! Вы что-то о нем знаете?

Л ю б о м и р о в (помолчав). Да... Благодаря Ступакову я у вас... Прослышал в сануправлении фронта, что Ступакова назначают главным армейским хирургом, умышленно помешал. На его место попросился, тем более, что действительно наступает время, когда мы погоним немцев с нашей земли.

К р и к у н о в. Да я ваш приезд как великую честь и небывалую удачу принимаю!

Л ю б о м и р о в. В сорок первом мы со Ступаковым работали вместе. Вернется он из поездки по частям армии и садится за докладные... Такого, бывало, понапишет о своих коллегах, о положении в госпиталях, в медсанбатах, санотделах дивизий!.. Стервец! Ну, если тебе так нравится быть тигром, леопардом, то имей смелость терзать открыто! Не доноси на коллег, а скажи им на месте, помоги!.. А он еще возьмет да тайком отнесет копию докладной в особый отдел.

К р и к у н о в. Странно... На Ступакова это вроде непохоже!

Л ю б о м и р о в. Вы Михайлова из нашей военно-медицинской академии помните? На одном совещании в санотделе он назвал этого Ступакова "собирателем жучков". (Смеется.) Что сие значит, я, право, не знаю, но почему-то запомнил. И еще запомнил: "У вас сердце не в груди! Оно у вас под пряжкой ремня!" Это опять Михайлов Ступакову. С трибуны!

К р и к у н о в (посмеивается). Узнаю майора Михайлова! Кстати, он сейчас командир медсанбата нашей седьмой гвардейской.

Л ю б о м и р о в. Достойный человек!.. Так вот, о Ступакове. Однажды звонит мне начальник особого отдела. Ваш Ступаков, говорит, в превратном свете информирует нас о состоянии медико-санитарной службы в армии. Внушите капитану, пусть поответственнее относится к бумаге и судьбам людей... Да, заведомое подозрение - суть благоразумия подлеца...

К р и к у н о в. Странно... Неужели я так ошибся в нем?..

Л ю б о м и р о в. До смерти не прощу себе, что покрывил душой и послал его на курсы переподготовки... Хотел избавиться... Подписал положительную характеристику на него... Добрячок... (Качает головой.) Вот от таких добрячков и рождается зло на земле. Во все времена...

К р и к у н о в. Алексей Иванович, а может вы преувеличиваете? Из его госпиталя - ни одной жалобы!

Л ю б о м и р о в. Даже царям преподносит урок безмолвие народа. А вы - нет жалоб из госпиталя...

К р и к у н о в. Но ведь производит впечатление умного и дельного человека. Недавно мы обсуждали план медико-санитарного обеспечения предстоящей операции. Так Ступаков камня на камне не оставил от, казалось, оправдавшей себя системы головного эвакуопункта! (Бросает щепки в трубу самовара.)

Л ю б о м и р о в (поражен). То есть как? Без хирургии на передовой?

К р и к у н о в. Очень убедительно обосновал, что выдвигать общехирургические госпитали вперед, к самым медсанбатам, и создавать передовые хирургические отряды совершенно непрактично.

Л ю б о м и р о в. Степан Степанович!.. Только опытность есть доказательство доказательств!.. И вы согласились?

К р и к у н о в. Да...

Л ю б о м и р о в. Но ведь одно дело оперировать через какой-нибудь час, ну, через два после ранения. Другое - через сутки... (Нервно ходит.) Вот так новость: отказаться от головного эвакуопункта! Да это преступление!.. Покажите мне карту с расположением наших медучреждений.

К р и к у н о в (развертывает на столе карту). Прошу! Полная картина на всем участке нашей армии.

Л ю б о м и р о в (рассматривает карту). Где госпиталь Ступакова?

К р и к у н о в (указывает пальцем). Вот здесь.

Л ю б о м и р о в (после паузы). Я так и знал!.. Думаю, что Ступаков просто трус. Конечно же, при этой дислокации ему лично придется возглавить подвижной хирургический отряд. А делать операции под обстрелом он не любит. Я это знаю.

К р и к у н о в (раздувает огонь в самоваре). Алексей Иванович... Но ведь с ним согласились и наши штабисты... Ступаков открыто выступил против шаблона. И мы его мнение разделяем. Это действительно придумано в тиши кабинетов без учета тяжелых фронтовых условий - обстрелов, бомбежек, вражеских прорывов. Ступаков даже заявил, что лично знает автора головных полевых эвакуопунктов. Говорил (смеется)... какая-то бездарная тыловая крыса, которая ни в хирургии, ни в организации медицинской службы на фронте ничего не смыслит.

Л ю б о м и р о в (поднялся). Эта, как вы изволили выразиться, тыловая крыса... перед вами, товарищ полковник... (Картинно поклонился.) Да, именно лично по моему предложению во время наступательных операций часть госпиталей стали выдвигать ближе к передовой...

К р и к у н о в (крайне растерян). Простите, Алексей

Иванович... Простите...

З а т е м н е н и е.

Картина вторая

Лесная поляна, за которой виднеются в лесу палатки полевого госпиталя. На краю сцены, рядом с искореженным осколком деревом, вход в штабную палатку; недалеко от входа - грубо сколоченный стол и скамейка.

На сцену выходит С в е т л а н а Ц а ц а. На рукаве у нее красная повязка дежурного по госпиталю, на боку противогаз. Она останавливается, достает из сумки противогаза зеркальце, смотрится в него, кокетливо поправляет выбившуюся из-под пилотки кудрявую прядь.

Ц а ц а. А вы, лейтенант Цаца, действительно "ничего себе"... Как сказал начсанарм. (Вздыхает.) Эх, если б так сказал Ступаков! (Задумалась.)

Мимо торопливо, почти бегом, спешит В е р а С т у п а к о в а. Увидев Цацу, замедляет шаг, отдает честь.

Куда ты, Верочка?

В е р а (останавливается). Володю Савинова ищу. Вы не видели?

Ц а ц а. Лейтенанта Савинова?

В е р а. Для кого лейтенант, а для меня он - Володя.

Ц а ц а. А ты знаешь, что его завтра выписывают? И твой Володя тютю!.. На передовую!

В е р а. Вот только сейчас узнала... Все это так неожиданно...

Ц а ц а (с любопытством). Неужели отпустишь одного?

В е р а. Он не хочет, чтоб я с ним в полк на передовую ехала. А отцу и говорить боюсь... Но я все равно убегу!

Ц а ц а. Умница, умница, Верочка! Такие парни, как Володя, в холоstyках не засиживаются.

В е р а (глядя в сторону). Да я не только из-за Володи!.. Не могу больше сидеть под крылышком у отца. Или на передовую, или в другой госпиталь переведусь. Хватит!

Ц а ц а. Так в чем же дело?! Выходи замуж - и вдвоем с Володенькой в полк!

В е р а (тише). Володя тоже предлагает пожениться. А я боюсь отцу говорить. Он же горячий, вы знаете. Убьет!

Ц а ц а (улыбнувшись). Тоже мне, героиня! Передовой не боится, а перед отцом трусит! Девчонка ты еще совсем! Будь посмелее, посамостоятельнее!

В е р а. Мне все-таки жалко папу.

Ц а ц а. А себя тебе не жалко?! А Володю? А любовь свою? А меня?.. (Спохватилась.) Ты меня послушай!.. Я дело советую: поженитесь тайком, а потом отцу и скажешь.

В е р а. Как это - тайком?!

Ц а ц а. Очень просто! Делается это так... (Вдруг что-то замечает за сценой.) Воздух! Вон отец твой с Киреевой!.. (Хватает Веру за руку, и они убегают.)

На сцене появляются С т у п а к о в и майор медслужбы К и р е е в а с папкой в руках.

С т у п а к о в. Что ж, торжествует закономерность: слабый... уступает... сильному! Подполковник уступил генералу...

К и р е е в а. Любомиров в хирургии действительно звезда первой величины. В сравнении с ним, извините, мы с вами, да и не только мы, проигрываем. Это же счастье, что его к нам прислали.

С т у п а к о в. Он ваш бывший педагог, поэтому вы так судите. Но разве я не справляюсь на посту начальника госпиталя? Или вы - на посту ведущего хирурга?

К и р е е в а. Справляемся. (Усаживается за стол, раскрывает папку и рассматривает какие-то бумаги.) Особенно вы... Так поставили себя... (С иронией.) Прямо позавидуешь!

С т у п а к о в (не замечает иронии Киреевой). Я привык на все смотреть философски. (Прохаживается по сцене.) Я никогда не забываю, что жизнь - это большой спектакль, необозримая и бесконечная драма. В ней каждому из нас, как актеру на сцене, надобно превосходно, с полной отдачей сыграть ту роль, которую ему преподносит госпожа судьба, его величество случай.

К и р е е в а. Не знаю, Иван Алексеевич, насколько вы собирались (с нажимом) и г р а т ь роль главного хирурга армии, но роль начальника госпиталя я бы вам посоветовала играть перестать. Надо им просто быть.

С т у п а к о в. Нет, вы не правы... Если ты волей судьбы стал трубочистом, внуши всем, что ты самый лучший в мире, самый первый трубочист! Это старая притча. А притчи, как известно, плоды опытности всех народов и здравого смысла всех веков.

К и р е е в а (с усмешкой). А если ты стал генералом, значит, заботься, чтобы тебя обязательно считали талантливым полководцем...

С т у п а к о в. Только так! Не хватает таланта - притворись, что он у тебя есть!..

К и р е е в а. Но ведь притворство - это, извините, ложь, очковтирательство.

С т у п а к о в. А вам известно такое понятие, как святая ложь, ложь во имя человека?.. Ну, представьте себе, Анна Ильинична, что мы... попали во вражеское кольцо. Никто не знает, где выход. Я генерал, но и я не знаю. И вдруг заявляю: я знаю где! Всем - за мной!.. И представьте себе, мы выходим из окружения...

К и р е е в а. А если не выходим?

С т у п а к о в. Может случиться и такое. Но зато я подал людям надежду. Надежда, как известно, питает мужество, побуждает к действию. Мужество и деятельность превращаются в силу, и рождается хоть какая-то, небольшая, призрачная, но все-таки гарантия успеха. Согласитесь, это лучше, чем ничего!

К и р е е в а (размышляет). Интересно, интересно... Извините, Иван Алексеевич, но я по праву женщины. Вот вы хороший хирург... (Лукаво.) Не выдающийся, конечно, как Вишневский или Любомиров, но все же хороший. (Он кивает головой в знак благодарности.) Скажите, вы, как начальник госпиталя, как руководитель коллектива, о чем вы больше заботитесь - о том, чтобы лучше всматриваться в души людей или чтобы самому эффектнее выглядеть в их глазах?

С т у п а к о в (с усмешкой). Анна Ильинична, не добавляйте в молоко уксус! Я знаю, что вы всегда мыслите оригинально...

К и р е е в а. Но оригинальность не всегда превосходство.

С т у п а к о в (обрадованно). Это что? Самокритика?

К и р е е в а. Нет. (Посмеивается.) Я просто ощутила опасность быть правой в тех вопросах, в которых не право мое начальство.

С т у п а к о в (вынужденно хохочет). Не зазорно быть покорным. (Заглядывает ей в глаза.) У вас очень меняется лицо, когда вы язвите! Не замечали?

К и р е е в а. Человеческое лицо - самая занимательная поверхность на земном шаре.

С т у п а к о в (весело). Ну и ну... С вами спорить - все равно что на минном поле собирать грибы. Как в той поговорке: ешь мед, да берегись жала...

Торопливо входит лейтенант медслужбы С в е т л а н а Ц а ц а.

Ц а ц а (прикладывает руку к пилотке). Товарищ подполковник... (Кокетливо.) Вас просят к телефону.

С т у п а к о в (сердито). Не начальник санотдела?

Ц а ц а. Нет... Начальник... банно-прачечного отряда.

Ступаков досадливо морщится и уходит.

(С наивностью смотрит на Кирееву.) Анна Ильинична, а вот правду говорят, что если у вдовца взрослая дочь, то он не может жениться, пока дочь замуж не выйдет?

К и р е е в а. Не знаю, Света. Не слышала такого. А к чему это вы?

Ц а ц а. Да так... Интересуюсь народными обычаями. В дневник записываю.

К и р е е в а (насмешливо). В таком случае не забудьте

записать в дневник, что нельзя во время операции со стерильными руками пикировать под стол.

Ц а ц а (обиженно). А я что, виновата? Бомбы как засвистели!.. Я и сама не помню, как под столом очутилась.

К и р е е в а (встает, направляясь в палатку). Бомбы, Света, за километр упали. За километр. А операцию пришлось прервать, пока ты руки мыла.

Ц а ц а (останавливает ее). Ой, Анна Ильинична! Я и позабыла. Совсем! Вас же там ищут.

К и р е е в а. Кто?

Ц а ц а. Да разведчик этот... Лейтенант с орденами.

К и р е е в а. Савинов, что ли?

Ц а ц а. Ага, Савинов... (Таинственно.) Я что вам сказать-то хотела: он ведь влюбился...

К и р е е в а. В вас?

Ц а ц а. Да что вы?

К и р е е в а. Но не в меня же!

Ц а ц а. В Веру, в дочку начальника госпиталя.

К и р е е в а. Ну а я здесь при чем?!

Ц а ц а. Вы должны им помочь обвенчаться.

К и р е е в а (поражена). Я хирург, а не священник! Это во-первых, а во-вторых, какое венчанье, какая свадьба на фронте?!

Ц а ц а. Скоро конец войны. Многие женятся. А не помочь влюбленным грешно! Бесчеловечно!.. Помогите, а то Володю уже выписывают в полк.

К и р е е в а. Ну, чем помочь? Как?

На сцену выходит лейтенант С а в и н о в. Киреева и Цаца его не замечают.

Ц а ц а. Надо уговорить Ступакова. Мозги ему проветрить! Только вы это сможете.

К и р е е в а. Ну нет, увольте меня от этой миссии! Увольте! (Уходит в палатку.)

Ц а ц а. Анна Ильинична, миленькая! Я вам еще не все сказала! (Спешит в палатку вслед за Киреевой.)

С а в и н о в (один.) Ох, Вера, Вера... Что же ты со мной делаешь? Гибнет от любви боевой разведчик Володя Савинов на виду у всего фронта!.. Но как это, черт возьми, прекрасно!.. Я даже маме написал об этом - своей дорогой Марине Гордеевне. (Кружится.) Вера... Верочка... Какого цвета у вас глаза?.. Ласково-голубого... Олух! (Останавливается, хватается за голову.) До чего я дошел?! (Издевается над собой.) Какого цвета ее голос?.. Нежно-лунного... А какого цвета наша любовь?.. Идиот! Ведь с ума схожу!.. Боже мой!.. Все! Пропал!.. Растаял, как снежинка на ладони!

Вбегает В е р а. Увидев Володю, кидается к нему.

В е р а. Володя... У меня отчего-то сердце болит. И такой холодок в груди иногда... Будто я летаю высоко-высоко! В небе. И боюсь упасть, разбиться.

С а в и н о в. И я во сне часто летаю.

В е р а. Нет, это другое, совсем другое. (Тише.) А меня во сне видишь?.. Ну, хоть раз видел?

С а в и н о в. Знаешь, Веруша, вот как мы познакомились с тобой, так мне все время кажется, что я во сне. В каком-то нереальном, дивном сне. И страшно проснуться: вдруг ты исчезнешь?

В е р а. Нет, уж лучше ты просыпайся. Я теперь никуда от тебя не денусь... Никуда.

Целуются.

И с тобой теперь ничего не случится... Я буду всегда рядом... Да, а кто из нас все-таки поговорит с Анной Ильиничной?

С а в и н о в (шутливо-строго). По-моему, это уже ни к чему.

В е р а. Как это ни к чему? И с отцом моим поговорить, а по военному согласовать надо... Да, а как же твоя мама? Она меня примет?

С а в и н о в. Моя милая Марина Гордеевна уже любит тебя, как и меня. Я ей целую поэму о тебе написал. В стихах.

В е р а. Прочитал бы...

С а в и н о в. Прочитаю как-нибудь. А что касается Анны Ильиничны, то, по-моему, мы опоздали. (С улыбкой кивает на палатку.) Там Светлана Святозаровна, кажется, уже ведет разведку боем.

В е р а (обрадованно). Правда?! Сегодня, пожалуй, самый подходящий день для свадьбы!.. На фронте затишье. Ни одна машина с ранеными не приходила. А палаточные все обработаны.

С а в и н о в. Самый момент прокричать "горько!". Только боюсь, уколошит меня твой отец. (Со смешком.) И вместо свадьбы будут похороны.

В е р а. Боюсь, боюсь... А еще разведчик, герой!.. (Притрагивается к груди Володи, где прикреплены орден Красного Знамени, медаль "За отвагу" и гвардейский значок.) В тыл к немцам ходить не боялся. Эх, если б я родилась мальчишкой!..

С а в и н о в (шутливо). Нет уж, нет. Не надо! Мальчишек и без тебя хватает. А вот такую девушку я встретил впервые и, кажется, голову потерял.

В е р а. Так тебе и надо, не шлейся по госпиталям!

С а в и н о в. Я в первый раз.

В е р а. Что в первый?! Голову потерял?

С а в и н о в. Нет, в госпиталь попал.

В е р а (кокетливо). А голову, значит, не первый?

С а в и н о в. Видишь же: на месте голова. (Что-то достает из кармана.) Смотри, что я сохранил... Это осколок из моего плеча... Я вот все о чем думаю: где-то в Германии на заводе отливали снаряд, потом везли его на восток... заряжали в пушку... стреляли... Осколок снаряда попал в меня... Я чудом остался жив, но... он привел меня к тебе. (Прячет в карман.) Будем хранить его.

В е р а. Не надо! (Обнимает Володю.) С таким трудом мы спасли тебя. Он так глубоко сидел... Надежды не было... Если бы не Киреева, не ее золотые руки...

С а в и н о в. И твои золотые руки. (Целует Вере руку.) Как они тут нужны.

В е р а (решительно). Нет, нет! Я все равно убегу на передовую!

С а в и н о в (тревожно). Вера, не вздумай! Я говорю серьезно... Скоро наступление. Тяжелые бои... Ты должна ждать меня здесь.

В е р а. Ну, конечно! Они готовятся к наступлению, а я, молодая, здоровущая, и торчи в тридцати километрах от фронта! Ну почему, почему я не могу быть вместе с тобой?!

С а в и н о в. Перестань!.. Ты как маленькая... Как романтическая девчонка. На передовой запросто убить могут!

В е р а. Будто тут не могут! Нас то и дело бомбят...

С а в и н о в. Ну и часто погибают?

В е р а. Случается. Ты же сам видел, как на прошлой неделе двоих наших схоронили.

С а в и н о в. Случается, Вера, и дуб ломается. А там... (Махнул рукой.)

В е р а. Извини, конечно, но думаю, что я знаю о войне побольше, чем ты. Я каждый день такое вижу... Смертные муки и смерть... И трупы таскаю... (Помолчала.) С тех пор как все наши - и мама, и брат, и бабушка - погибли в блокаде, я поклялась, что буду, буду на передовой... А сама торчу тут, возле отца.

С а в и н о в. Вера, сейчас не надо об этом!.. Лучше иди поговори с отцом о нас. А я поговорю с Анной Ильиничной.

В е р а. Ишь какой хитрый! Отец меня и слушать не станет. Сам иди к нему. А я пока отпрошусь у Анны Ильиничны с дежурства! (Хочет уйти.)

С а в и н о в (в нерешительности). А может, нам лучше вдвоем явиться перед его грозные очи?

В е р а (решительно). Эх ты! Ладно, сперва я одна с ним поговорю. Но ты сейчас же выпишись из госпиталя. Понял?.. Получи в штабе свои документы.

С а в и н о в. Понял! Чтоб подполковник Ступаков уже не имел надо мной власти? И не упек в штрафную роту?

В е р а. Умница... Вам пятерка, Савинов. А теперь идите.

С а в и н о в. Слушаюсь! (Обнимает и целует Веру.)

Из палатки выходят К и р е е в а и Ц а ц а. Они видят целующихся Веру и Савинова; Киреева отворачивается.

К и р е е в а (к Цаце). Я все поняла.

Савинов отрывается от Веры и убегает.

Продолжайте выполнять обязанности дежурного по госпиталю.

Ц а ц а. Слушаюсь! (Кидает многозначительный взгляд на Веру и уходит.)

В е р а (смущенно). Товарищ майор медицинской службы, разрешите обратиться?

К и р е е в а. А-а, новоявленная Дульцинея! Обращайся. (Садится на скамейку, оглядывается.) День-то сегодня какой тихий. На удивление. Даже сиренью пахнет.

В е р а. Точно, Анна Ильинична, пахнет... И с передовой ни одной машины нет...

К и р е е в а. Все ясно! И ты просишь, чтобы я освободила тебя от дежурства?

В е р а. Ага. (Обрадованно.) А как вы догадались?

К и р е е в а. По твоему серьезному, глубокомысленному выражению лица. (Смотрит строго, вопрошающе.) Ты давно любишь этого лейтенанта?

В е р а. Мне стыдно, Анна Ильинична!.. Но на войне день засчитывается за три.

К и р е е в а (вздыхает). Нет, любить никогда не стыдно. (Помолчав). Если, конечно, это действительно любовь.

В е р а (взволнованно). Действительно, Анна Ильинична! Знаете, как люблю!.. Ну вот... будто все вокруг совсем другим стало! И этот день, и лес... И люди совсем другие!.. И я другая!.. Ну... не знаю, как сказать. А он, Володя, такой славный!..

К и р е е в а. Какой?

В е р а. Ну, характер у него славный.

К и р е е в а (насмешливо). Характер... Девушки ни о чем так поверхностно не судят, как о характере своих женихов... А он-то тебя искренне любит?

В е р а. Ой, знаете, как любит!

К и р е е в а (смеется). Откуда же мне знать? Только имей в виду, если слишком умно говорит о любви, тогда еще не очень влюблен... Вот когда языка лишится... (Взмахнув рукой.) Ну, ладно, Дульцинея, освобождаю тебя от дежурства, а остальное уволь - не в моей власти.

В е р а (чмокает Кирееву в щеку). Спасибо, спасибо, Анна Ильинична! (Убегая.) Пойду скажу Володе.

К и р е е в а (смотрит вслед). Милая, славная девушка... Да пусть будет у тебя счастье...

Появляется С т у п а к о в.

С т у п а к о в. Ну, что вы, Анна Ильинична, скажете на такое: начальник банно-прачечного отряда спрашивает, нельзя ли сделать аборт его кастелянше на седьмом месяце беременности. По-моему, он сумасшедший! Я ему так и сказал: вы с ума спятили... А кто это так помчался?

К и р е е в а. Дочь ваша, Иван Алексеевич.

С т у п а к о в. Случилось что? (Берет со стола газету.)

К и р е е в а. Думаю, да. Случилось.

С т у п а к о в (разворачивает газету). А именно?

К и р е е в а. А именно - влюбилась.

С т у п а к о в. Серьезно?

К и р е е в а. Да, кажется, очень серьезно.

С т у п а к о в (не отрываясь от газеты). Прекрасно, прекрасно. В ее возрасте любовь - это песнь души. А душа, так сказать, куется в страстях и сомнениях... Важно только, чтоб чувство не ослепляло разум и объект был достойным.

К и р е е в а. Объект, как вы изволили выразиться, - прославленный разведчик. Может, заметили в команде выздоравливающих лейтенанта с орденом и медалью? Если нет - надо познакомиться. Хороший зять будет.

С т у п а к о в (испуганно отрывается от газеты). Что?! Как это зять?! Вы что? Все это серьезно?.. Нет, нельзя так шутить над отцом, у которого одна дочь и больше никого...

К и р е е в а (закуривает). Вы слепец, Иван Алексеевич. Дочь ваша светится от счастья как солнышко!

С т у п а к о в. Да вы шутите! Но... но она мне ни слова...

К и р е е в а. Истинное чувство всегда безмолвно.

С т у п а к о в (взволнованно). Какое может быть чувство? Война, кругом кровь льется!.. Сколько кладбищ уже оставил за собой наш госпиталь, да и каждый медсанбат.

К и р е е в а. Конечно, война не лучшая пора для любви. Но и она тут не властна.

С т у п а к о в (нервно ходит по сцене). Она же еще девчонка! Откуда вдруг все это? Здесь какая-то...

К и р е е в а. Родители последними замечают, когда их чада далеко уходят за порог детства.

С т у п а к о в. Нет, Анна Ильинична, ваши очки мне не по глазам. Все это пустое. Дочь у меня одна. И я в ответе за ее судьбу хотя бы перед памятью покойной жены.

К и р е е в а. Извините, Иван Алексеевич. Считайте, что я вам тут не советчица...

С т у п а к о в. А жаль... Я хотел бы...

К и р е е в а. Разрешите идти на обход?

С т у п а к о в. Что ж, идите, пора.

Киреева уходит.

(Сидит молча, затем раздраженно.) Любовь. Чувства. Зять... Черт знает что! (Барабанит пальцами по столу.) Зять хочет взять. Тесть любит честь... Тьфу!

Появляется В е р а, испытующе смотрит на отца. Тот поднимает голову.

В е р а (с робостью подходит к столу). Пап, я что-то хотела тебе сказать...

С т у п а к о в (строго). Я уже в курсе... Последним узнал. Но все-таки узнал. Прослышал, так сказать... (Встает, выходит из-за стола.) Что ж ты молчала? Я понимаю: молчание - золото. Но слово все-таки тоже благородный металл - серебро. Особенно в подобном случае.

В е р а. Пап, отнесись к этому серьезно.

С т у п а к о в (с притворством). А как же иначе?.. Когда речь идет о важных делах, я - воплощение серьезности.

В е р а. Пап... Мы с Володей... любим друг друга и решили...

С т у п а к о в. Ах, уже "мы", уже "решили"!.. Так зачем же тебе мое отношение? Когда умерла в блокаду твоя мама, я чудом разыскал тебя! Ты это знаешь. И знаешь, что, кроме тебя, у меня никого нет на всем белом свете! Я и на фронт взял тебя, чтоб ты не погибла в тылу от голода или чтоб с тобой не приключилось еще что-нибудь ужасное.

В е р а. Пап, ну я же вполне самостоятельная.

С т у п а к о в (в том же тоне). И если хочешь знать - ради тебя я проявляю излишнюю осмотрительность, стараюсь держать госпиталь подальше от передовой... А ты... ты недавно увидела человека... и уже готова на все... готова забыть об отце...

В е р а. Я не собираюсь о тебе забывать... А Володя лечился у нас полтора месяца...

С т у п а к о в. Полтора месяца? Как много?!

В е р а. В условиях фронта вполне достаточно.

С т у п а к о в. Для чего достаточно?

В е р а. Чтобы полюбить и узнать человека.

С т у п а к о в. Может, вначале узнать, а потом полюбить?

В е р а. Да, я так и хотела сказать.

С т у п а к о в. А может, еще надо удостовериться, что это и есть любовь?

В е р а. Он очень хороший, ты сам увидишь.

С т у п а к о в. Хороший?..

В е р а. И храбрый! И очень умный!

С т у п а к о в. Очень умный?.. Если он умный, так пусть оставит тебя в покое! Ему в полк! Тебе - за работу!

Появляется В о л о д я, издали прислушивается к разговору.

И не забывай. Тебе только девятнадцать! Впереди ждет тебя еще не одна увлеченность!.. И каждая будет казаться любовью.

В е р а. Пап, как ты можешь?!

С т у п а к о в. Запомни: парней много, а отец у тебя один! (В сердцах.) А если завтра его убьют?! Ты об этом подумала?

В е р а (испуганно). Не смей так говорить... Мы с ним уже... решили... пожениться!

С т у п а к о в (поражен). Что? Уже и свадьба? Ах, вот оно как! (Суматошно расстегивает ремень.) Я доведу тебя до ума!

В е р а. Пап, ты не прав! Ты сто раз не прав.

С т у п а к о в (снимает с ремня кобуру с пистолетом и сует ее в карман). Чем более не правы люди, имеющие власть, тем менее следует им говорить о том, что они не правы... И пока ты моя дочь...

В е р а. Папочка, ты не посмеешь!.. Я не маленькая!

С т у п а к о в. Ты моя дочь!.. И коль ты не понимаешь слов... я обязан исполнить свой родительский долг... (Замахивается на Веру ремнем.)

Володя подбегает к Ступакову и ловким движением отнимает и отшвыривает ремень.

С а в и н о в. Я не позволю!.. Не имеете права!

С т у п а к о в (в ярости). Что?! Нападение лейтенанта на подполковника?! Арестовать!.. Дежурный по госпиталю, ко мне!..

В е р а. Папа!.. Папочка!.. Родненький!.. Успокойся...

С т у п а к о в. В военный трибунал!.. Дежурный!

Вбегает лейтенант медслужбы С в е т л а н а Ц а ц а.

Ц а ц а. Товарищ подполковник! Дежурная по госпиталю лейтенант Цаца по вашему вызову!..

С т у п а к о в (указывает на Савинова). Арестовать! Составить протокол дознания за нападение на старшего офицера!

Ц а ц а (к Савинову). Лейтенант Савинов, вы арестованы!

С т у п а к о в. Можете считать, что он уже разжалован из лейтенантов! И принесите мне его документы!

В е р а. Папа, разве мы на тебя нападали?! (Плачет.)

Ц а ц а (с притворной серьезностью). Товарищ подполковник, я обязана записать в протокол дознания побудительные причины нападения... И указать фамилии свидетелей. (К Вере.) Вы будете свидетельствовать?

В е р а. Ничего я не буду! Володя защищал меня.

С т у п а к о в (остывая, поднимает ремень и подпоясывается). Теперь я вижу, какой он "умный" и "храбрый".

Ц а ц а. Ничего, трибунал разберется! (К Ступакову, с лукавством.) Так какие будут указания, товарищ подполковник?

С т у п а к о в. А ну вас всех к дьяволу! (К Вере.) Сейчас же на дежурство!.. Сами заварили кашу, сами расхлебывайте! (Уходит.)

Ц а ц а (к Вере и Савинову). Ну, что же вы?! Расхлебывайте!.. Зачем теряете время? (К Савинову.) Документы успел получить?

С а в и н о в утвердительно кивает и притрагивается рукой к карману гимнастерки; вопросительно смотрит на Веру, затем на Цацу.

Ц а ц а (оглядываясь). Там сейчас санитарный автобус отправляется в сторону передовой. Я скажу, чтоб обождал! (Убегает.)

С а в и н о в (взволнованно). Она права! В полк! Немедленно! За дезертирство на передовую судить тебя не будут! В мой полк!

В е р а. Вдвоем? В твой гвардейский?

С а в и н о в. Вдвоем! В гвардейский!

Вбегает Ц а ц а.

Ц а ц а. Автобус за шлагбаумом! Я предупредила!

В е р а. Володя... А меня не вытурят оттуда?

Ц а ц а. Не вытурят! Да бегите же!

Вера на прощанье порывисто обнимает Цацу.

С а в и н о в. Кто посмеет прогнать из полка жену гвардии лейтенанта Савинова?!

З а н а в е с.

Картина третья

Полковой медпункт на опушке леса. Среди деревьев - палатка, над ней флажок с красным крестом. Близ входа в палатку - рукомойник, носилки, бачок с водой, ящики из-под снарядов.

Слышны автоматные очереди, изредка воют мины, и где-то далеко слышны их взрывы.

Из палатки д в а с а н и т а р а выносят носилки с ранеными, направляясь на сцену. Вслед за ними выходит в белом халате и шапочке капитан медслужбы П о л и н а Г а р к у ш а.

Г а р к у ш а (санитарам). Если есть места, машину не отправляйте. Еще будут раненые.

Доносится серия взрывов.

Концерт продолжается.

Гаркуша моет руки под рукомойником, всматривается в даль, откуда слышится шум приближающегося автомобиля.

(Кому-то за сцену). Машину, пожалуйста, под деревья! Слышите?! Под деревья машину!

Г о л о с. Есть соблюдать маскировку!

Шум мотора.

Входит С т у п а к о в с немецким автоматом на груди и гранатами у пояса. Осматривается.

Г а р к у ш а (торопливо вытирает руки салфеткой, отбрасывает ее). Здравия желаю, товарищ подполковник!

С т у п а к о в. Приветствую вас, коллега. (Подает руку.) Начальник... полевого госпиталя Ступаков.

Г а р к у ш а. Гвардии капитан медслужбы Гаркуша!.. Чем обязаны?..

С т у п а к о в. Так... Прогулка по передовой, товарищ гвардии капитан...

Слышится стрельба.

Засиделись мы там, в тылу.

Г а р к у ш а. Неподходящее время для прогулок... У вас, наверное, есть претензии к первичной обработке раненых? Но у нас, знаете, порой такое тут творится... Просто рук не хватает.

С т у п а к о в. Да нет. Как раз сейчас претензий нет... (Пытливо оглядывается.) Посмотрим, как будет во время наступления.

Возвращаются с пустыми носилками д в а с а н и т а р а. Ставят их под дерево, а сами уходят в палатку. Ступаков провожает их взглядом.

Г а р к у ш а. Желаете осмотреть медпункт?

С т у п а к о в. Нет-нет... Насмотрелся... Скажите, пожалуйста, гвардии капитан...

Г а р к у ш а (подсказывает). Гаркуша...

С т у п а к о в. Скажите, капитан Гаркуша, на днях в ваш полк новенькие из медперсонала не поступали?.. Понимаете, я дочь свою разыскиваю.

Г а р к у ш а (с ухмылкой). Извиняюсь, товарищ подполковник, но это старый избитый прием: дочь, сестра, жена...

С т у п а к о в (смутился). Да ей же право! Я серьезно.

На сцене появляется В о л о д я С а в и н о в с автоматом за плечом и гранатными сумками на поясе. Увидев Ступакова, пятится. Гаркуша тоже делает ему предупреждающий знак. Савинов, не замеченный Ступаковым, прячется за куст.

Г а р к у ш а. У нас в медсанроте и на батальонных медпунктах много девушек. Кто именно вас интересует?

С т у п а к о в. Вы неправильно меня поняли... Дочь сбежала из госпиталя!

Г а р к у ш а. Недавно один капитан тоже разыскивал свою... сестру. Мы вызвали ее из батальона, а она, как увидела, и в слезы: "Прости, Коленька, я другого люблю. Встретила свое счастье".

С т у п а к о в (сердится). Ну, знаете!.. Мне не до шуток! И не думаю, что я похож на фронтового донжуана.

Г а р к у ш а (осматривает Ступакова). Да как вам сказать... Термин "пе-пе-же", то есть "походно-полевая жена", не я сочинила...

С т у п а к о в. Товарищ гвардии капитан, я ведь могу рассердиться и приказать!

За сценой слышится девичий голос: "Девочки, почта еще не приходила?.." Ступаков торопливо направляется за сцену. Савинов встревоженно смотрит ему вслед.

С а в и н о в (выйдя из-за куста). А где Вера? Она знает, что он появился?

Г а р к у ш а (вытирает платком лоб). Ну, лейтенант, и задал ты мне хлопот со своей Верой. Только этого мне еще не хватало! А где обещанные трофеи?

С а в и н о в (достает из кармана сверкающий пистолетик). Вот, прошу, дамский!.. Подполковник очень сердит?

Г а р к у ш а (берет пистолет). Стоящая вещь! Главное - нужная. Подполковник?.. О-о, как тигр!

С а в и н о в. А где Вера?

Г а р к у ш а (рассматривая пистолет). Нюхает порох твоя Вера в третьем батальоне.

С а в и н о в (встревоженно). А зачем вы ей разрешили?! Ей же нельзя под пули! Она ж не умеет!..

Г а р к у ш а (сердито). Не умеет - научится. Там медпункт накрыт залпом шестиствольного. Ничего не осталось. Вот и вызвалась... Кто-то же должен был идти. (Помолчав.) А что там за шум на участке третьего батальона?

С а в и н о в (опасливо оглядываясь в ту сторону, куда ушел Ступаков). На рассвете мы там вели разведку боем. А сейчас... Давно она пошла туда?

Г а р к у ш а. Утром еще пошла... А как там сейчас?

С а в и н о в. Немцы контратакуют. Будьте наготове.

Г а р к у ш а (удивилась). Можете не сдержать?!

С а в и н о в. Пока приказано не обнаруживать свои огневые позиции и не раскрывать огневые средства перед наступлением... Когда же она вернется?

Г а р к у ш а (нервно). Не знаю, не знаю!.. Но как же тогда продержаться, если не стрелять?

С а в и н о в. Пропустим в тыл и секанем с флангов... (Смотрит в сторону, куда ушел Ступаков.) Когда Вера вернется, предупредите ее об отце и скажите, что я с разведчиками в траншее. (Указывает.) На той опушке.

Опираясь на карабин, появляется р ы ж е у с ы й с о л д а т с

забинтованной до самого паха ногой. Он бледен. Савинов смотрит в ту сторону, куда ушел Ступаков, пятится назад и, чуть не столкнув раненого, убегает.

Р ы ж е у с ы й (сердито смотрит вслед Савинову). Что за псих? Из медпункта, что ль, сбег?

Входит С т у п а к о в.

Г а р к у ш а (Рыжеусому). Вы угадали: у него мания преследования. (Осматривает повязку на Рыжеусом.) Кто и когда вас перевязывал?

Р ы ж е у с ы й. Да санитарка одна, в воронке. С час назад, сразу, как дерябнуло.

Из палатки выходят с а н и т а р ы. Один бросает из таза в яму груды окровавленных бинтов, второй забирает у Рыжеусого карабин, уносит за палатку.

Г а р к у ш а (Рыжеусому). Тогда потерпите до медсанбата. (Санитарам.) Заберите его в машину.

Р ы ж е у с ы й (хрипло). Там девчонку сейчас достают с нейтралки. Раненую. Может, попридержите транспорт?

С т у п а к о в. Какую девчонку?! (Прислушивается к стрельбе.)

Р ы ж е у с ы й. Медсестру... Из третьего батальона... Геройская девка!.. Кругом ревет все, я от боли благим матом кричу, а она знай волокет меня, верзилу, на плащ-палатке. И тоже ревет...

С т у п а к о в. А чего ж она-то ревет?

Р ы ж е у с ы й. Да страшно!.. Потом в воронку меня кувырнула, ну и перевязала... Худо-бедно, а перевязала. И тех, восьмерых, тяжелых, которых на повозках поперед меня повезли, тоже она выволокла. Просто герой девка!..

С т у п а к о в. Да, такое не каждому мужику под силу!

Г а р к у ш а (к санитарам). У нас все девочки молодцы. А что за санитарка? Из какой она роты, не знаете?

Р ы ж е у с ы й (он морщится от боли). Дьявол ее знает. Я не спрашивал. Красивенькая такая, брови как по шнурочку, командирский ремень.

Г а р к у ш а. Наверное, из пополнения.

Гремят недалекие взрывы.

С т у п а к о в (испуган). На медпункт соседнего полка я проеду от вас?

Г а р к у ш а. Да, по шоссе.

С т у п а к о в. А если не выбираться на шоссе? Его ведь простреливают.

Г а р к у ш а. Тогда налево за озерцом.

Опять слышен вой снаряда, взрыв.

С т у п а к о в (торопится). Ну что ж, честь имею. Желаю успехов! (Берет под козырек, уходит.)

Г а р к у ш а (отдав честь, к санитарам). Сразу видно: не кадровый военный. Ему проще было бы искать лейтенанта Савинова, так он нет медсестру ищет.

П е р в ы й с а н и т а р. Да-а, иголку в стоге сена! (Смеется.)

Г а р к у ш а (санитарам). Грузите его (указывает на Рыжеусого) и отправляйте машину, и сразу же на медпункт третьего батальона! Выносите всех, кого можно!

Подхватив Рыжеусого под руки, санитары уходят. Гаркуша смотрит вслед. На сцене появляются генерал Л ю б о м и р о в и полковник К р и к у н о в. Молча наблюдают за Гаркушей. Вдруг она замечает их, застегивает халат, принимает стойку "смирно".

(Взяв под козырек.) Товарищ генерал-майор!..

Л ю б о м и р о в (указывая на Крикунова). Вот полковнику докладывайте.

Гаркуша смешалась, умолкла, не может понять, почему при генерале она должна докладывать полковнику.

К р и к у н о в. Да ладно, не надо докладывать. Вы - полковой врач?

Г а р к у ш а. Так точно! Гвардии капитан Гаркуша!

К р и к у н о в (подавая руку). Начсанарм Крикунов. (Затем указывает на Любомирова.) А это наш новый главный армейский хирург.

Л ю б о м и р о в (здоровается за руку). Раненые поступали сегодня?

Г а р к у ш а (напряженно). Четырнадцать человек, товарищ генерал! Все отправлены в медсанбат. И судя по всему, еще будут.

Л ю б о м и р о в. Держите себя свободнее, товарищ капитан. Мы же медики.

Г а р к у ш а. Есть свободнее! Прошу садиться! (Придвигает два ящика из-под снарядов.)

Любомиров и Крикунов садятся. Крикунов разворачивает на коленях топографическую карту.

К р и к у н о в. Пожалуйста: полная картина! Медпункты, медсанроты. Вот разгранлинии. Вот передний край. (Гаркуше.) Товарищ гвардии капитан, посмотрите, правильно нанесен ваш медпункт?

Г а р к у ш а (заглядывает в карту). Правильно: юго-западная опушка грушевидной рощи.

К р и к у н о в (Любомирову). Но вы меня сразили, Алексей Иванович, наметкой этапов медицинской эвакуации. Конечно, так легче бороться с шоком, раневой инфекцией и проще обеспечивать транспортную иммобилизацию переломов. Век

живи, век учись.

Л ю б о м и р о в. Заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что думают, что знают. Ну а что нам посоветует врач Гаркуша? Вы ведь в наступательных операциях участвовали?

Г а р к у ш а. Так точно! И не однажды.

Л ю б о м и р о в. Где, по вашему мнению, лучше располагать хирургические госпитали во время наступления - ближе к передовой или дальше?

Г а р к у ш а. Так точно, ближе, товарищ генерал!

Л ю б о м и р о в. Я не против краткости, коллега, но мне сейчас нужно от вас не "так точно", а определенное выражение мысли. Какой, по-вашему, принцип целесообразнее класть в основу плана медико-санитарного обеспечения наступательной операции?

Г а р к у ш а. Если при наступлении походные госпитали будут отставать, мы излишне загрузим дороги машинами с ранеными. И смертность от ран намного увеличится.

Л ю б о м и р о в. При этом еще надо учесть эффективность работы выдвинутых вперед хирургических отрядов... (Крикунову.) Ваш Ступаков боялся нарушения взаимодействия между медсанбатами и подвижным эвакуопунктом?

К р и к у н о в. Да-да. Вот именно.

Л ю б о м и р о в. Все как раз наоборот. Легко убедить людей в том, чего они желают, еще легче в том, чего они боятся.

Шум боя доносится явственнее. Все настороженно прислушиваются.

Д в а знакомых нам с а н и т а р а вносят на плащ-палатке тяжело раненную В е р у. Еще д в о е - второго раненого. Опускают наземь. Любомиров и Крикунов с состраданием смотрят на раненых.

С а н и т а р. Вот она, та санитарка Из самого пекла выволокли ее. Очень тяжелое ранение. Море кровищи.

Г а р к у ш а (склоняется над Верой). Это наша Вера! Ох ты, господи! Ранение полостное... Нужно срочно оперировать. (Подходит к другому раненому, берет его руку.) А этому уже ничто не поможет... Умер. (Санитарам.) Унесите...

Санитары уносят умершего за палатку.

В е р а (тихо). Отвезите меня... в госпиталь... к отцу... Он спасет... Я не хочу... уми... рать...

Л ю б о м и р о в. Бредит?

Г а р к у ш а (в смятении). Нет, у нее действительно отец - начальник госпиталя.

К р и к у н о в. Какого госпиталя?..

Г а р к у ш а. Ступаков... Да он был тут недавно. В соседний

полк поехал.

К р и к у н о в. Это дочь Ступакова?!

Л ю б о м и р о в (к санитарам). А ну давайте ее на операционный стол.

В е р а. Не надо... милый доктор... Только отец... Сообщите отцу... Он спасет... И Володе скажите...

Санитары уносят Веру в палатку. С ними уходит Крикунов. За сценой разгорается стрельба.

Л ю б о м и р о в (торопливо моет руки. Гаркуше). Стерильные перчатки у вас есть?

Г а р к у ш а. Для операции все наготове, товарищ генерал... Ах, Вера, Вера!..

Из палатки выходит К р и к у н о в.

К р и к у н о в. Алексей Иванович, откровенно скажу, надежды мало... Каждая минута дорога. Об отправке в тыл не может быть и речи... Не выдержит.

Шум боя за сценой усиливается. Вбегает лейтенант С а в и н о в с автоматом.

С а в и н о в (растерянно осматривает начальство. Затем к Гаркуше). Не вернулась Вера?

Г а р к у ш а. Вернулась.

С а в и н о в. Скорее снимайтесь и уходите! Немцы прорвали оборону!

К р и к у н о в. Как прорвали?.. Мы же собираемся наступать!..

С а в и н о в. Мышеловку немцам мы подготовили! Но не успели всех наших предупредить! Уходите за линию батарей! Быстро! Тут метров триста! Мы попридержим их! (Гаркуше.) Где Вера?! Почему вы молчите?

Из палатки выходят с а н и т а р ы.

Г а р к у ш а (санитарам). А ну, хлопцы, к бою!

С а н и т а р ы. Есть к бою! (Кидаются за палатку и тут же выскакивают с автоматами.)

Г а р к у ш а. В распоряжение лейтенанта!

С а в и н о в (санитарам). Бегом в траншею! Я сейчас!

Санитары убегают.

Л ю б о м и р о в (Гаркуше спокойно). Введите раненой морфий и кофеин.

Г а р к у ш а. Ясно. (Бросает взгляд на Савинова.)

С а в и н о в (к Любомирову). Что, Вера ранена?! (Кидается в палатку, за ним - Гаркуша.)

Через мгновение С а в и н о в выходит из палатки с окаменелым от горя лицом.

Л ю б о м и р о в. Кто она вам?

С а в и н о в. Жена! Это моя жена.

Л ю б о м и р о в (берется вместе с Крикуновым за пустые носилки). Держите немцев. Мы вынесем ее из опасной зоны и прооперируем. За исход не ручаюсь. Не те условия, да и ранение тяжелейшее...

Гаркуша и Крикунов из палатки выносят на носилках накрытую простыней В е р у. На этих же носилках, у ног Веры, - ящики с инструментами и стопка простыней. Савинов испуганно смотрит на Веру. Она узнала его.

В е р а. Володя... Береги себя... Я выживу... Береги себя.

С а в и н о в (наклонился над носилками). Верочка... Верочка, выдержи... Выдержи, милая... Я люблю тебя... Мы отомстим им, Вера!

Г а р к у ш а (Крикунову и Любомирову). Идите! Идите за мной!..

Все уходят. Савинов кидается туда, где идет бой.

С а в и н о в. Ребята, держись! Не пускай гадов!.. Сейчас там Веру будут оперировать!..

З а т е м н е н и е.

Внезапный взрыв и вспышка, которая выхватывает из темноты падающую лицом на землю фигуру Савинова.

С а в и н о в (кричит). А-а-а!..

Мечутся лучи прожектора.

Г о л о с. Лейтенанта Савинова убило! Взвод... Слушай мою команду-у!..

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

В палатке Ступакова. На парусиновой стенке висит топографическая карта. Стол с бумагами и телефоном. Железная койка, тумбочка с графином, ящик-сейф.

С т у п а к о в, заложив руки за спину, нервно прохаживается по палатке. Остановившись у карты, водит по ней карандашом. Раздается телефонный звонок. Берет трубку.

С т у п а к о в. У аппарата... Кто?.. Простите, это какой Михайлов?.. А-а, как же, помню... Гора с горой не сходится... Михайлов, Михайлов... Я видел на дороге указатель "Хозяйство Михайлова". И в голову не пришло, что это именно ваш санбат... Пожалуйста, коль смогу... (Слушает.) Хах-ха... Раз аптека взлетела на воздух, значит, теперь у вас воздух целебный!.. (Холодно.) Понимаю, что не до шуток. Но извините, дорогой, у меня медикаменты по нормам, в обрез... Вот именно, даже на полдня заимообразно не могу... Мы ведь тоже под бомбами... Что поделаешь... Пожалуйста. (Кладет трубку.)

За входом в палатку слышится голос Киреевой: "Можно

войти?"

Войдите!

Входит К и р е е в а.

Ну, удалось что-нибудь выяснить?

К и р е е в а. Светлана Цаца доказывает, что Савинов отбыл в запасной полк. А мне думается, что он на передовой, в своей седьмой гвардейской.

С т у п а к о в. Почему вы так полагаете?

К и р е е в а. Характер у него такой. Да и у дочери вашей, извините, тоже.

С т у п а к о в. Но я же там был! Облазил всю передовую, все медпункты. Неужели ехать опять?

К и р е е в а. Несерьезно и неблагородно... Силой вы ее не вернете! Натура у нее не такая.

С т у п а к о в. Ничего, привезу силой! И натуру ее приведем в порядок.

К и р е е в а. Лучше согласитесь на ее замужество. Письмо напишите. Пусть приедут вдвоем да хоть по-человечески фронтовую свадьбу сыграем. Ведь ребята-то какие!

С т у п а к о в. Неужели она стала его женой? Не уберег!.. Дите ж еще!

К и р е е в а. В ее возрасте я уже была мамой.

С т у п а к о в. Моя дочь - пе-пе-же. Ужас!

К и р е е в а. Станный вы человек, Иван Алексеевич.

С т у п а к о в. Пусть бы лучше конец света, чем такое падение! Какой позор на мою голову!

К и р е е в а. А если это любовь! Чистая и светлая! Это же их счастье. И мы не имеем права посягать на него!

С т у п а к о в (примирительно). Ну хорошо. Письмо ей я уже написал. А дальше что? Куда посылать?

К и р е е в а. Пошлите с письмом в седьмую... Ну, хотя бы Светлану Цацу! Она, если ей строго приказать, разыщет их!..

С т у п а к о в. Верно. Позовите-ка Цацу, прошу вас.

К и р е е в а. Сейчас. (Уходит.)

С т у п а к о в (делает несколько шагов по палатке). Не гнись, не гнись, Ступаков! Все в жизни поправимо, кроме смерти. Что же я ей там написал? (Подходит к столу, садится, читает написанное.) "...Сразила ты меня наповал... Сердце не выдержало... Лежу. Если не хочешь потерять отца, немедленно возвращайся. (Дописывает и говорит вслух.) И привози этого своего бандита. Раз все так случилось, будем справлять свадьбу". (Заклеивает письмо в конверт.)

Входит лейтенант С в е т л а н а Ц а ц а.

Ц а ц а. Лейтенант Цаца по вашему вызову!..

С т у п а к о в. Светлана Святозаровна, к вам огромнейшая просьба... Личная... Понимаете, личная...

Ц а ц а. Личная?.. Личную - с превеликим удовольствием, Иван Алексеевич!

С т у п а к о в. Берите машину и езжайте в седьмую гвардейскую... Где-то там Вера. Я знаю. Найдите и вручите это письмо. (Подает конверт.) И привезите. Живую или мертвую привезите!

Ц а ц а. Зачем же мертвую? Так не шутят... Но я знаю: она не согласится.

С т у п а к о в. Согласится. Тут все написано! И скажите, что я серьезно заболел... Я действительно плохо себя чувствую.

Ц а ц а (с притворным испугом). У вас нездоровый вид! (Решительно подходит к Ступакову, прикладывает ладонь к его лбу.) Очень нездоровый! И температура!.. (Обнимает за плечи, прижимается губами ко лбу.)

С т у п а к о в. Что вы?! Светлана Святозаровна!

Ц а ц а. Мне в детстве мама всегда так температуру мерила.

С т у п а к о в. Я же не ребенок!

Ц а ц а. Вы хуже ребенка... Вы, мужчины, как дети, беспомощны и безвольны. Вам даже тут, на войне, нужна женская забота и ласка. (Осторожно обнимает Ступакова за плечи.) Давайте я вас уложу.

С т у п а к о в. Не буду я ложиться! Я здоров! (Встает.)

Ц а ц а (поворачивает его к себе лицом). А температура?.. Может, я ошиблась?.. А ну... (Обнимает за шею, тянется губами будто ко лбу, но целует в губы.)

Ступаков пытается вырваться из ее объятий, но тщетно.

В палатку заходит медсестра С е р а ф и м а. Увидев обнявшихся, зажимает рукой рот, чтобы сдержать вскрик, и выбегает.

С т у п а к о в (вырвался из рук Светланы). Что это значит, черт вас возьми?! Что за ерунда?!

Ц а ц а. Я думала - температура... А вы... холодны, как снеговик.

С т у п а к о в. Я спрашиваю, что это за шуточки?!

Ц а ц а. Шуточки?.. Ничего себе шуточки!.. От таких шуточек (тихо) дети бывают.

С т у п а к о в. Что вы болтаете, лейтенант Цаца?! Как вам не стыдно?!

Ц а ц а. А что здесь стыдного?.. Я уезжаю на передовую, где, между прочим, стреляют... Буду искать там вашу дочь... Может, меня убьют... Вот и поцеловала. Вдруг мы последний раз видимся с вами.

С т у п а к о в (уже мягче). Светлана Святозаровна, что за глупости? Будем благоразумны.

Ц а ц а. Могли бы на прощанье и Светой назвать.

С т у п а к о в. Ничего не понимаю... Может, я действительно в бреду?..

Слышится голос Серафимы: "Светлана Святозаровна!.."

С е р а ф и м а заглядывает в палатку, лукаво смотрит на Светлану и Ступакова. Так как же с этими машинами?

Ц а ц а (вдруг вспомнив). Ой товарищ подполковник! Там пришли две машины с ранеными!.. Начальник сортировки спрашивает, как с ними быть.

С т у п а к о в (удивлен). Что значит "как быть"? Как всегда - в сортировку. Затем раненых в обработку.

С е р а ф и м а. Но раненые прямо с передовой. Почему-то медсанбат переправил их к нам без обработки.

С т у п а к о в. Вот так новость! Почему без обработки? Стоим в обороне, и такое нарушение инструкции! А если в машинах окажутся безнадежно отяжелевшие? Значит, повышение смертности в моем госпитале? И лучшие показатели отдавай, Ступаков, дяде?..

Ц а ц а. Выходит, что так. Берем чужие грехи на свою душу.

С т у п а к о в. Какой же это медсанбат позволяет себе такое безобразие?

Ц а ц а. Седьмой гвардейской дивизии. Михайлова.

С т у п а к о в. Михайлова?.. Опять этот Михайлов! У другого соринку в глазу видит, а сам... И я еще буду виноват, если заверну машины. (Задумался.) А представитель медсанбата сопровождает машины? Хоть объяснил бы, в чем там у них дело.

Ц а ц а. Нет. Представителя с ними нет.

С т у п а к о в. Нет? А машины уже на территории госпиталя?

С е р а ф и м а. Стоят за шлагбаумом.

С т у п а к о в (раздумывает, качает головой). Ха! Опять Михайлов скажет, что у Ступакова сердце не на месте.

Ц а ц а (поражена). А где ж ваше сердце?

С т у п а к о в. Оно у меня, по Михайлову, под пряжкой ремня! Ясно?

Ц а ц а (смотрит на Ступакова с испугом). Ну, вот видите! Я же говорила, что вы нездоровы.

С т у п а к о в (строго). Инструкция есть инструкция. И на фронте должен быть хоть элементарный порядок. Все!.. Машины не принимать! Идите!

Пожав плечами, Цаца подталкивает из палатки Серафиму. Они уходят. Ступаков продолжает шагать вдоль стола.

По его определению, я "собиратель жучков", и я же прими

раненых не только без обработки, но и без объяснения причин... Шалишь, товарищ Михайлов! Ах да! Тебя бомбили!.. А ты что хотел, чтоб тебя одеколончиком поливали? На то и война!.. Ступаков может прощать обиды. Но оскорбления... никогда!.. Придумал же: сердце под пряжкой ремня!.. Понабирались там, в своей медицинской академии, притчей от Любомирова... И Анна Ильинична... Ну, ничего. Ступаков тоже не лыком шит. Мал барабанщик, да громок, мал золотник, да дорог!.. (Притрагивается рукой к губам.) Вот холера!.. Что все это значит?

Входит К и р е е в а с папкой в руках.

К и р е е в а. Извините, товарищ начальник, опять я. Есть новости.

С т у п а к о в. От Веры?!

К и р е е в а. Нет. Приказ о медико-санитарном обеспечении наступления. (Открывает папку.)

С т у п а к о в (угрюмо). Читайте. Исполнение приказов - суть нашей жизни на войне.

К и р е е в а. Тут надо с картой читать. Приказ о создании головного полевого эвакупункта. Наш госпиталь включается в его систему.

С т у п а к о в. Вот как?! Успел-таки Любомиров!

К и р е е в а. Я только суть. (Читает.) "Подполковнику Ступакову И. А. скомплектовать и возглавить подвижной хирургический отряд и вместе с госпиталем быть готовым к передислокации в район тылов тридцатого полка седьмой гвардейской стрелковой дивизии..."

С т у п а к о в (хмуро). Понятно. Все ясно.

К и р е е в а (с любопытством наблюдает за Ступаковым). Какие будут указания?

С т у п а к о в. Ну что ж... Приказ есть приказ.

З а т е м н е н и е.

Декорация первой картины. В кабинете Крикунова прибавилась еще одна солдатская кровать, аккуратно застланная серым одеялом.

У стола, на котором кипит самовар, сидят за чаем Л ю б о м и р о в и К р и к у н о в.

Л ю б о м и р о в. Мало о полковых медиках пишут наши фронтовые газеты. Солдат должен знать и верить: для его спасения наготове армия медицинских работников и целый арсенал медицинских средств. Это тоже важный моральный фактор.

К р и к у н о в. Пописывают больше о красивых санитарках да молодых врачах.

Л ю б о м и р о в. И это надо. Надо, чтоб и об этой девушке

написали. И орденом наградить ее надо! В одном бою вытащить столько раненых нешуточное дело! Все умоляла, дурочка: "Отвезите к отцу..." Еще бы чуть-чуть промедлили, и никто бы не спас.

К р и к у н о в. Всякое я видел на фронте, но чтобы такую операцию, как вы... вот так, на поляне, в лесу...

Л ю б о м и р о в. Сегодня, с вашего позволения, я съезжу в госпиталь к Ступакову. Посмотрю, как она себя чувствует, подскажу кое-что Ступакову... Интересно, как он встретит меня после того жесткого разговора?

К р и к у н о в. Ступаков воспитан, вежлив. Есть выдержка.

Л ю б о м и р о в. Вежливость отличается от доброты как позолота от золота.

Раздается телефонный звонок. Крикунов встает, берет трубку.

К р и к у н о в. Слушаю!.. Крикунов у телефона!.. (Закрывает рукой трубку, обращается к Любомирову.) Из санитарного управления фронта... (Опять в трубку.) Нет, нет! Мы все-таки остановились на системе головного эвакупункта!.. Виноват... Признаю... Я же нейрохирург, а не штабист!.. Буду только благодарен! Готов хоть сейчас передать!.. Что Ступаков?.. Алло! Алло!.. (Кладет трубку.) Что-то о Ступакове начал говорить, и обрыв. Конечно! (Прохаживается по комнате.) Какой из меня начальник санотдела? Я специалист по черепным и мозговым ранениям!

Л ю б о м и р о в. Но ведь у нас нигде сейчас не готовят ни начальников, ни главных. Приходится...

Слышен стук в дверь. Г о л о с и з с е н е й: "Полковнику Крикунову шифровки!"

К р и к у н о в. Иду! (Быстро выходит.)

Любомиров допивает чай, отодвигает кружку, затягивает ремень на гимнастерке, берет полевую сумку. Возвращается со вскрытым пакетом в руках К р и к у н о в.

К р и к у н о в. Вы послушайте, что пишет Ступаков!.. (Читает.) "С получением приказа о включении... так... так... Прошу разрешить дислоцировать госпиталь на два километра северо-западнее пункта, указанного в приказе, по соображениям условий транспортировки. Свои сомнения о системе эвакупункта снимаю полностью как ошибочные. Ступаков".

П а у з а. Любомиров и Крикунов озадаченно смотрят друг на друга.

Л ю б о м и р о в. Как бы я хотел, чтоб с его стороны все это было искренним.

К р и к у н о в. Алексей Иванович, поверьте мне... Ей-богу, он неплохой мужик!.. Может, по молодости делал глупости, а

сейчас... Видите? (Потрясает шифровкой.) Так разрешим?

Л ю б о м и р о в. Разумеется, если для пользы дела.

К р и к у н о в. Что тут еще... (Развертывает вторую бумагу, молча читает, прикладывает руку к груди.) Алексей Иванович... невероятно! "В медсанбат майора Михайлова во время бомбежки прибыли две машины с ранеными. Ввиду невозможности обработки раненых их отправили в полевой госпиталь подполковника Ступакова... Госпиталь отказался принять раненых и завернул машины обратно... Многие раненые ожесточились, а трое наиболее тяжелых... скончались в пути".

Т я г о с т н а я п а у з а.

Л ю б о м и р о в (обессиленно опускается на табуретку). Там, во второй машине, была и Вера... Она была самая тяжелая...

К р и к у н о в (кидается к телефону, с яростью крутит ручку). Соедините с двадцатым!.. Шумилов? Позвоните в санотдел седьмой, а еще лучше прямо Михайлову!.. Да!.. Узнайте, кто завернул машины с ранеными?! Уже известно?.. Не может быть... (Медленно кладет трубку). Они проверили... Сам Ступаков...

З а н а в е с.

Картина пятая

Перевязочная палатка операционно-перевязочного блока полевого госпиталя. Столы для перевязок и легких операций, столики с инструментарием и растворами, шкаф с перевязочными материалами. Слева выход в лес, в глубине - задрапированный простынями переход в операционную палатку.

За столом для записей сидит в белом халате К и р е в а, что-то пишет в журнале.

На переднем столе полулежит знакомый нам Р ы ж е у с ы й с о л д а т. Медсестра С е р а ф и м а заканчивает перебинтовывать ему ногу.

К и р е в а (закрывает журнал). Кажется, палаточные все обработаны.

Р ы ж е у с ы й. Скоро вам медсанбаты опять подкинут работенки. По всему видать - наступать будем. (Вздыхает.) А я уже отнаступался.

С е р а ф и м а. Давно пора. Уже одичали в лесу. Глаза свербят от того, что нельзя вдаль посмотреть. Простору хочется. (Заправила конец бинта, подает Рыжеусому костыль.) Пожалуйста, миленький, можете маршировать на здоровье. Но только поблизости.

Р ы ж е у с ы й. Отходили ноженьки по большой дороженьке. (Встает на костыли.) Гарантируете, что нога будет гнуться?

К и р е в а. Зачем же ей гнуться? А?

Р ы ж е у с ы й (поражен). А как ходить?!

К и р е е в а. Для этого нога должна сгибаться, а не гнуться. На гнущихся ногах только пьяные ходят. А ты солдат.

Р ы ж е у с ы й. Не в лоб, так по лбу... А короче тоже не станет?

С е р а ф и м а. Тебе ее не укорачивали.

Р ы ж е у с ы й. А кто вас знает. Оттяпаете что-нибудь под наркозом, забинтуете, вроде так и было. А потом и не найдешь, с кого спросить!

К и р е е в а. Нам чужое не надо... Можем, правда, что-либо пришить дополнительно. Но только по знакомству.

Р ы ж е у с ы й (от удивления застыл). Как понимать? Внутрях пришить или... на поверхности?..

С е р а ф и м а (вступает в игру). Это кому что надо. Можно внутри, а можно на поверхности.

К и р е е в а. Да-да. У кого где не хватает.

Р ы ж е у с ы й (улыбается). Ну, будя!.. Так я вам и поверил.

К и р е е в а. А почему?.. Запчастей, к сожалению, в достатке. Что нам стоит?

Р ы ж е у с ы й (колеблется). У меня перед войной отрезали этот самый (пилит рукой по животу) пендицит... Может, есть смысл, пока я тут валяюсь в госпитале без толку, снова пришить его?

К и р е е в а. Никакого смысла!

Р ы ж е у с ы й. Это почему же?.. И был бы я опять при полном комплекте.

С е р а ф и м а. Он вам не нужен.

Р ы ж е у с ы й. Почему ж не нужен? Все, что от матери родилось с человеком, - все для чего-то ему нужно...

С е р а ф и м а. Много мороки... Резать надо, искать место, где он у вас был...

К и р е е в а. Размер подбирать...

Р ы ж е у с ы й. Я думал - он с "лимонку". А он тонюсенький. (Показывает мизинец.) Вот такой!

С е р а ф и м а. А тебе нужен покрупнее?

Р ы ж е у с ы й. Мне безразлично, лишь бы прирос!.. Но вы гарантируете приживание?

К и р е е в а. Вот чего нет, того нет. Никакой гарантии! (Смеется.) Наше дело портновское - нож и нитка. А далее сами старайтесь, чтоб приросло.

Серафима хохочет и вдруг умолкает. Входит С т у п а к о в в халате.

Р ы ж е у с ы й. Тьфу!.. А я-то заглотнул, как ерш... Разве такими вещами шутят?..

С е р а ф и м а. Шутке - минутка, а заряжает на час.

Рыжеусый. Шутили рыбки на сковородке, да и заплясали. (Направляется к выходу, сталкивается со Ступакowym.) О! Я этого гражданина где-то недавно встречал!

Ступакow. А-а, верно, верно! На передовой в седьмой гвардейской! Как нога? (К Киреевой.) Жаль, что я не успел к перевязке. Все-таки старые знакомые... Под огнем вместе побывали.

Рыжеусый. Так, пожалуйста, повторим! (С готовностью направляется к столу.) Лишний глаз не помешает, а тем более мужчинский.

Киреева (строго). Не надо больше рану тревожить. Идите.

Ступакow. Вы бы послушали его, как там, под огнем, санитарки и медсестры работают. Вот где герои.

Серафима. Он нам рассказывал о сестричке, что его выволокла. Молоденькая, говорит, брови в шнурочек.

Рыжеусый. Это точно. Меня тянет, а сама ревет, как телка.

Ступакow. Ну хорошо. Я вас не задерживаю. (К Серафиме.) Проводите раненого.

Серафима уходит вместе с Рыжеусым.

Из седьмой гвардейской ничего?.. Не звонила Света?

Киреева (с усмешкой). Лейтенант Цаца для вас уже Света?

Ступакow. Ох, любите вы пригоршнями ветер собирать. Виноват...

Киреева. Нет, не звонила.

Ступакow. Места себе не нахожу. И чувствую себя плохо. (Прижимает руку к сердцу.)

Киреева. Так соскучились?.. Ну, выпейте рюмку коньяку - станет легче.

Ступакow (пронзительно смотрит на Кирееву. После паузы). Да, кстати, напомнили. Чует мое сердце: новый армейский хирург вот-вот к нам нагрянет. И проверять меня Любомиров будет с особым пристрастием. Я уже обошел все отделения, дал указания. А вас, Анна Ильинична, как ведущего хирурга, попрошу, если старик появится, взять на себя организацию обеда. Но чтобы без излишеств, без спиртного... Старик не любит этого.

Слышен приближающийся шум самолета.

Киреева. Что ж, так-таки и ни рюмочки?

Ступакow. Помнится, Любомиров за обедом выпивал иногда шкалик спирта... Но то было зимой... Ну, поставьте немножко спирта. Для себя что хотите. А мне в графинчике чайной заварки, будто коньяк.

Киреева. Зачем же обманывать? Просто скажите, что не

пьте.

С т у п а к о в (с досадой). Завидую людям, которые имеют неограниченное влияние на ум женщин! И как это им удается?

К и р е е в а. Ладно, влияйте. Все будет сделано по-вашему. (Вздыхнув.) Ну а если Любомиров попросит коньяку? Вы ему что, чаю нальете?

С т у п а к о в. Ладно, ставьте коньяк!

К и р е е в а. Но Любомиров, я полагаю, еще до обеда поинтересуется тем, как мы готовимся к наступлению.

С т у п а к о в. Я с закрытыми глазами могу доложить всю схему передислокаций, эшелонирования, транспортировки...

К и р е е в а. Надо бы встретиться с представителями санбатов да уточнить детали взаимодействия.

С т у п а к о в. Одному начальнику медсанбата я уже преподнес урок... Михайлову. Прислал он без обработки две машины раненых. Так я их завернул!

К и р е е в а (поражена). Завернули?! А может, медсанбат не мог.

С т у п а к о в. Как это не мог?.. Стабильная оборона, стоим на месте...

К и р е е в а. В иные времена середина считается ближайшей точкой к истине. Не дойдешь до нее - плохо, перейдешь - тоже плохо. Сколько же люди тратят времени и усилий ума на поиски середины... А вы будто и не утруждаете себя поисками... Вчера были противником головного эвакуационного пункта, сегодня - уже сторонник. Инструкция требует в обычных условиях пропускать поток раненых через медсанбаты... Чтобы как можно быстрее оказывать помощь раненым... Эту же инструкцию вы обратили во зло для раненых...

С т у п а к о в. Ну, знаете! Это, извините, пустозвонство! (Смотрит в марлевое окошко.) Кто там в белых халатах прогуливается?! Вот разгильдяи! (Быстро уходит.)

Входит Л ю б о м и р о в. Увидев Кирееву, глядящую в марлевое окошко, замирает. Н а п р я ж е н н а я п а у з а.

Л ю б о м и р о в. Товарищ майор медицинской службы Киреева, почему не представляетесь армейскому хирургу?! К тому же генералу!

Киреева резко поворачивается. Мгновение радостно смотрит на Любомирова, кидается ему навстречу. Они замирают в объятиях, затем Киреева нежно целует Любомирова - в лоб, глаза, щеки. Вбегает С е р а ф и м а. Оторопело смотрит на эту встречу и тут же выбегает.

К и р е е в а. Я уже знаю, что ты к нам назначен. Почему ж не звонил так долго? У меня сердце изболелось!.. Сама хотела

звонить или ехать разыскивать.

Л ю б о м и р о в. Один мой звонок тебе - и вся армия узнает, что ты моя жена. А в армии не полагается, чтоб у начальника в подчинении были родственники, а тем более жены, да еще такие красивые, как ты.

К и р е е в а. Глупости все это. А зачем же я тогда оставила себе девичью фамилию?

Л ю б о м и р о в. Чтоб моя фамилия не отпугивала от тебя ухажеров... А ну, сознавайся! Не завела себе тут поклонника?!

К и р е е в а. Их тут столько в команде выздоравливающих... Одного трудно выбрать. А ты не обзавелся?..

Л ю б о м и р о в. Присматривался, да лучше тебя не встретил.

К и р е е в а (смотрит с нежностью). А ты изменился, постарел за два года.

Л ю б о м и р о в. Зато ты цветешь. Молодец! Горжусь тобой.

К и р е е в а. Кажется, вечность тебя не видела. И даже не верится, что мы встретились.

Л ю б о м и р о в. Письмо мое из госпиталя получила?

К и р е е в а. Получила. (Печально.) Неужели ты не мог единственного сына своего не посылать на фронт? Достаточно нас двоих. Он же еще мальчик.

Л ю б о м и р о в (строго). Мы уже с тобой говорили об этом не раз. Война - народное бедствие. А у нас семья хирургов... Главный род медицинских войск на фронте. И он хирург...

К и р е е в а. Но ведь будущий... Ох, жестокий ты человек... Бессердечный... (Нежно.) Как я по тебе соскучилась. И наконец вместе.

Л ю б о м и р о в. Кажется, в молодости не любил тебя так, не тосковал... (Осматривается.) Ну, как ты тут?.. Найду непорядок - попадет тебе.

К и р е е в а. Не найдешь.

За сценой слышен голос Серафимы: "Возьмите носилки вдвоем!.. Вчетвером не пройдете!" Входит, пятясь, С е р а ф и м а. За ней два знакомых нам с а н и т а р а с медпункта Гаркуши осторожно вносят носилки. Раненый лежит лицом вниз, покрытый плащ-палаткой. Он изредка постанывает.

С е р а ф и м а. Они тащат его на носилках прямо с передовой. Больше двадцати километров.

Санитары с величайшей осторожностью ставят носилки на стол.

К и р е е в а. Привезти не могли? Шутят, наверное. (Вдруг узнает в раненом Савинова.) Володя?! Лейтенант Савинов?!

П е р в ы й с а н и т а р (встает на пути Киреевой).

Осторожно, доктор! Тут мина! А он без сознания. Но жив - донесли...

К и р е е в а (поражена). Что за глупости?! Какая мина? Где?

В т о р о й с а н и т а р (устало). Немецкая. Из ротного миномета.

П е р в ы й с а н и т а р. Маленькая, как свеколка. Попала лейтенанту в бедро. Застряла и не разорвалась.

В т о р о й с а н и т а р. Трогать нельзя.

Л ю б о м и р о в (подходит к раненому. После минутного раздумья Серафиме.) Немедленно сюда пиротехника!

Серафима убегает.

П е р в ы й с а н и т а р. Поэтому и несли. В машине она бы при первом толчке бабахнула.

Любомиров осторожно щупает пульс на руке Савинова, открывает пальцем глаз.

В т о р о й с а н и т а р. Нам еще (указывает на Савинова) разведчики из его взвода помогли. Они там на улице.

П е р в ы й с а н и т а р. Лейтенант, когда был в сознании, говорил, что тут есть знаменитые хирурги - Ступаков и... Анна Ильинична Киреева.

Л ю б о м и р о в (к санитарам). Несите его в операционную. (Киреевой.) Готовь руки. И обнажай рану. К mine не прикасайся.

Санитары осторожно берут носилки с раненым, несут их вслед за Киреевой в соседнее операционное отделение. Там вспыхивает свет. На парусиновую стену четко проецируются тени. Мы видим, как раненого кладут на стол, как Киреева снимает с него плащ-палатку. Санитары на цыпочках выходят из операционного отделения и, пройдя перевязочную, покидают сцену. Любомиров, склонившись над умывальником, торопливо натирает стерильными щетками руки. Видно, как за парусиновой стенкой моет руки Киреева. Входят С е р а ф и м а и л е й т е н а н т-п и р о т е х н и к.

(Обливает раствором руки.) Посмотрите мину и сделайте заключение.

П и р о т е х н и к. Слушаюсь! (Уходит в операционную. Видна его тень, склонившаяся над операционным столом.)

Рядом с ним - Киреева. Она делает какие-то манипуляции.

С е р а ф и м а (начинает всхлипывать, говорить сквозь слезы). В лесу под Смоленском... санитар дядя Коля... поднял такую мину, чтоб отнести в сторону от палаток... (Плачет громко.) Мина в руках... взорвалась.

Л ю б о м и р о в (вытирает руки салфеткой). Ничего не подделаешь... Солдата надо спасать...

С е р а ф и м а. Он не солдат... Это гвардии лейтенант...

Л ю б о м и р о в. На операционном столе все солдаты!..

Входят К и р е е в а и п и р о т е х н и к.

П и р о т е х н и к. Товарищ генерал, мину трогать нельзя.

Л ю б о м и р о в. А что можно?

П и р о т е х н и к. Мина на "сносях"... Понимаете, при выстреле взрывное устройство приняло крайнее заднее положение... Теперь на боевом взводе. Мина не взорвалась случайно... Амортизация сыграла роль.

Л ю б о м и р о в. Все это теоретически. А практически?.. Какие есть шансы?.. И что бы ты сделал?

П и р о т е х н и к (растерянно). Я знаю, что мину трогать нельзя.

Л ю б о м и р о в. Ну, это теория.

П и р о т е х н и к. Ну, теория. А тронете - и взорвется... Это практика.

Л ю б о м и р о в. Солдата надо спасать... Тут тебе и теория и практика.

П и р о т е х н и к. Я отвечаю за мину...

Л ю б о м и р о в. А я за жизни... (Сурово.) Посмотрите, есть ли рядом щели в земле. Если удастся извлечь мину...

С е р а ф и м а. Щелей кругом много!

Л ю б о м и р о в (пиротехнику). Тогда вы свободны! (Киреевой.) Аня, как рана?

К и р е е в а. Кожу вокруг мины промыла и смазала йодом. Рану обложила стерильными салфетками. Ввела морфий и кофеин.

Л ю б о м и р о в. Пульс на голени и стопе прощупывается? (Надевает марлевую повязку.)

К и р е е в а (смутилась). Извините... Не проверила. (Тоже надевает марлевую маску.)

Л ю б о м и р о в. Прошу всех удалиться.

К и р е е в а (к Серафиме). Доложи начальнику госпиталя.

Серафима убегает.

Л ю б о м и р о в. Аня... А теперь уходи. Удались на безопасное расстояние.

К и р е е в а. Товарищ генерал! О чем вы говорите?! Я ведущий хирург госпиталя... Приказать удалиться вам я не имею права... Но спасти здесь раненого - это моя работа.

Л ю б о м и р о в. Аня... Аннушка... милая... Ведь все может случиться... Зачем же вдвоем?.. Умоляю тебя... Это не женское дело... Ведь у нас еще сын...

К и р е е в а. Алеша, нельзя тебе... Меня нетрудно заменить... Ты, может, один такой на весь фронт. Алеша... все будет хорошо. Я справлюсь... У меня руки не дрогнут. Уйди отсюда. Ну, прошу

тебя, Лешенька... (В ее голосе звучит мольба. Она строго смотрит на Любомирова и идет в операционную.)

Любомиров медлит, смотрит ей вслед. Затем решительно направляется туда же.

Д л и т е л ь н а я п а у з а. На парусиновой стенке видны тени Любомирова и Киреевой, которые начинают операцию.

З а т е м н е н и е.

Палатка Ступакова. Декорация без изменений. С т у п а к о в стоит перед топографической картой и о чем-то размышляет. Потом подходит к столу и делает какую-то запись.

С т у п а к о в (размышляет вслух). Если они разрешат мне расположить госпиталь на два километра северо-западнее, а они, разумеется, разрешат, тогда Вера может не возвращаться... Санрота тридцатого будет работать в зоне моего передового хирургического отряда, и я прикажу командиру санроты, чтобы моя дочь...

Слышится топот, в палатку влетает взволнованная С е р а ф и м а.

С е р а ф и м а (задыхаясь, говорит сквозь слезы). Ой, товарищ начальник!.. Там принесли Володю!.. Страшно ранен!.. Трогать нельзя... А он чуть живой...

С т у п а к о в. Спокойнее, спокойнее, медсестра. Толком докладывайте... Раненные к нам каждый день поступают.

С е р а ф и м а. Так Володя ж, Володя! Гвардии лейтенант Савинов!..

С т у п а к о в. Савинов? Знакомая фамилия... Постойте! Тот самый! Из команды выздоравливающих?!

С е р а ф и м а. Да. С которым Верочка утнула!

С т у п а к о в (сурово). Почему истерика?! Вы что, до сих пор не видели тяжелых ранений?..

С е р а ф и м а. Его нельзя оперировать... Взорвется, и все погибнут...

С т у п а к о в. Кто взорвется?

С е р а ф и м а. Мина взорвется и всех поубивает...

С т у п а к о в. Какая мина?!

С е р а ф и м а. Немецкая... маленькая, как свеколка...

С т у п а к о в. Что за чушь? Где мина?!

С е р а ф и м а (причитая). В ем, в бедре у него застряла!.. Не разорвалась!.. Пиротехник сказал - поубивает всех, если трогать будут!

С т у п а к о в (трясущимися руками берется за графин, наливает в стакан воду, вначале пьет сам, потом протягивает стакан Серафиме). Мина в человеческом теле... Операция сопряжена с гибелью не только раненого... Надо посоветоваться...

(Кидается к телефону, крутит ручку.) Алло!.. Соедините по экстренному с "Сосной"! "Сосна"?.. Девушка, немедленно главного!.. Главного армейского хирурга!.. Любомирова! Как нет?.. Это Ступаков говорит! К нам поехал?! (Кладет трубку, делает несколько шагов по палатке. Останавливается перед Серафимой.) Срочно ко мне Анну Ильиничну!

С е р а ф и м а (с удивлением). Так она ж его оперирует!

С т у п а к о в (вздрагивает). Она что, не соображает?! Погубит и себя и людей... (Бежит по палатке, забыв о Серафиме, которая наблюдает за ним.) Спокойнее, спокойнее, Ступаков. Так... Значит, взялась за операцию, не спросив ни совета, ни разрешения... Сейчас нагрянет начальство, а в госпитале чрезвычайное происшествие... Анна Ильинична героически рискует жизнью, спасая прославленного разведчика, а начальник госпиталя хирург Ступаков спокойненько отсиживается в палатке... Красиво, ничего не скажешь... (Вдруг, словно впервые увидел Серафиму, останавливается перед ней.) Вы подтвердите, что доложили мне о mine после того, как началась операция?

С е р а ф и м а. Кому подтвердить-то... (Что-то соображает.) А-а, подтверждаю! А чего ж, подтверждаю, коли оно так и есть.

С т у п а к о в. Тогда бегите к пропускному пункту и, как только подъедет машина Любомирова, сразу же позвоните мне!

С е р а ф и м а. Так они уже приехали!

С т у п а к о в. Когда?!

С е р а ф и м а. Дак недавно. Приехали и целовались с Анной Ильиничной... А сейчас оба в операционной.

С т у п а к о в (ошеломленно). Дура-а!.. (Выбегает из палатки.)

З а т е м н е н и е.

Перевязочная палатка операционно-перевязочного блока. Декорация без изменений.

Сцена пуста. На парусиновой перегородке контрастно видны тени К и р е в о й и Л ю б о м и р о в а, склонившихся над С а в и н о в ы м.

В перевязочную входит С т у п а к о в. Он в белом халате. Некоторое время наблюдает за ходом операции. За перегородкой вдруг что-то звякнуло. Ступаков в испуге отшатывается. Затем, овладев собой, нерешительно идет за перегородку.

Видно, как выпрямилась тень Любомирова. Слышен его голос: "Иван Алексеевич, прошу вас покинуть операционную..." Тень Ступакова неподвижна. Снова слышен голос Любомирова: "Я приказываю покинуть операционную!"

С т у п а к о в возвращается на сцену, как бы невзначай встает

в безопасное место - за шкаф с перевязочными материалами.

Н а п р я ж е н н а я т и ш и н а.

Видно, как Любомиров отходит к столику с инструментами, что-то берет на нем... Вдруг - ослепляющая вспышка, грохот взрыва и... темнота.

П о с л е д л и т е л ь н о й п а у з ы слышны приглушенные звуки духового оркестра, играющего похоронную музыку.

И з з а т е м н е н и я - та же сцена; парусиновая перегородка порвана, иссечена осколками. На сцене один полковник К р и к у н о в.

К р и к у н о в (нервно прохаживается, оглядывая помещение). Зачем?! Зачем же они вдвоем?! Глупость какая! Непростительная глупость!

Входит С е р а ф и м а, отдает честь.

Где начальник госпиталя?

С е р а ф и м а. Подполковник Ступаков лежит у себя в палатке... Острый сердечный приступ... (Тише.) После похорон Анны Ильиничны...

К р и к у н о в. А где остальное начальство?

С е р а ф и м а. Замполит и начальник штаба поехали на место новой дислокации госпиталя. Говорят, наступать будем? Правда, что ль?

К р и к у н о в. Наступать будем. А госпиталь осевого направления обезглавлен... Как чувствует себя генерал Любомиров?

С е р а ф и м а. Плохо... Вся спина в осколочных ранах. Скрываем от него, что Анна Ильинична погибла. Сказали - в Москву на самолете отправили.

К р и к у н о в. А этот лейтенант... как его?.. Савинов?..

С е р а ф и м а. Без ноги остался... Это его на самолете-то, и отправили. А генерал Любомиров верит, что Анна Ильинична-то жива...

Г о л о с з а с ц е н о й. Серафима! Где ты запропастилась?.. Коляску в палатку генерала!

С е р а ф и м а (Крикунову.) Разрешите уйти? Это меня зовут... (Убегает, столкнувшись на выходе с майором Артюховым.)

А р т ю х о в (Крикунову). Майор медслужбы Артюхов! Представитель отдела кадров санитарного управления фронта.

Отдав честь, пожимает протянутую Крикуновым руку.

Не застал вас, товарищ начальник, на месте и вот решил следом...

К р и к у н о в. Какие-нибудь новости?

А р т ю х о в. Небольшая перестановка в руководстве. (Достает из полевой сумки пакет с приказом.) Вы лично

назначены начальником фронтового нейрохирургического госпиталя... Поздравляю. Майор медслужбы Киреева назначена начальником этого госпиталя - вместо подполковника Ступакова...

К р и к у н о в (хмуро и будто безучастно). Майор Киреева погибла...

А р т ю х о в. Как?! Вроде в эти дни не бомбили...

К р и к у н о в. А Ступакова куда же?

С е р а ф и м а ввозит на коляске перебинтованного генерала Л ю б о м и р о в а. Их не замечают.

А р т ю х о в. Подполковник Ступаков на ваше место назначен начальником санотдела армии... На повышение пошел... Понравилось нашему начальству ваше представление на него... Да и прежняя лестная характеристика генерала Любомирова тоже в его личном деле...

К р и к у н о в (взрывается). Ступаков пойдет под трибунал, а не на повышение!

Л ю б о м и р о в (горестно). Не шумите, дорогой Степан Степанович... Все несчастья на земле происходят от нас, добрячков, от недостатка твердости... И еще от неумения смотреть в грядущее... В Москву не звонили? Как там моя Аннушка?

К р и к у н о в. Делается все возможное, Алексей Иванович... Сам Бурденко спасает...

Л ю б о м и р о в. Надеюсь, очень надеюсь. Ведь Николай Николаевич светило из светил. (Вздыхает. После паузы.) В сорок первом я думал, что спихнул Ступакова с рук. Думал, пусть другие укрощают его себялюбие. Ан нет... вернулся он по мою душу... Теперь расплачивайся, Любомиров, терзайся совестью и болью сердца... (Помолчав.) А девчонка, глупенькая, молила: "...везите к отцу".

А р т ю х о в. Простите, товарищ генерал, я что-то не понимаю... Если речь о Ступакове, так... вы же сами рекомендовали его и даже письменно...

Л ю б о м и р о в. Да, сам, сам... Всегда есть виновники того, что кто-то из недостойных оказывается не на своем месте. Вот и я так провинился. По мнимой доброте своей, по беспринципности сами сеем на земле зло. Иной раз хочешь избавиться от недостойного, и на учебу его!.. Или куда-то на выдвижение!.. Лишь бы от себя подальше... Проходит время... Глядь, а он уже недосыгаем... И уже льются где-то чьи-то слезы или даже кровь... Или текут в песок народные денежки... Вот так-то... Жуй теперь, генерал Любомиров, г о р ь к и й х л е б и с т и н ы и запивай из кубка жизни, где влага разбавлена г о р е ч ь ю т в о и х с л е з...

К р и к у н о в (Любомирову). Давайте подумаем, как быть... Я тоже, как и вы, потрясен поведением Ступакова...

Входит С т у п а к о в; услышав свою фамилию, он замирает на месте.

Л ю б о м и р о в (будто сам с собой). Кто это сказал?.. Во времена социальных неурядиц каждый равнодушный становится недовольным, врагом каждый недовольный, заговорщиком - каждый враг...

К р и к у н о в (с тревогой смотрит на Любомирова). Алексей Иванович... Вопрос серьезный. Ступакова назначили на санотдел, а во фронт надо докладывать, что он совершил преступление. По его вине погибли раненые, погибла даже его родная дочь...

С т у п а к о в. Что?! (Кидается к Крикунову.) Что вы сказали?! Что с моей дочерью?! Какое преступление?! Какая вина?! (Оглядывает всех.) Что вы скрываете от меня?!

Л ю б о м и р о в. Мужайтесь, Иван Алексеевич... Водной из двух машин с ранеными, которые вы не приняли, была и ваша дочь Вера. За час до этого я ей сделал сложнейшую операцию...

С т у п а к о в (отшатнувшись, тихо). Вера... Девочка моя...

З а т е м н е н и е.

ЭПИЛОГ

Та же гостиная квартиры Савинова. Та же декорация, что и в прологе. В той же позе постаревший С т у п а к о в смотрит на С а в и н о в а. Тот снимает очки, напряженно всматривается в лицо Ступакова.

С а в и н о в. Вы?..

М о л ч а н и е.

М а р и н а Г о р д е е в н а. Володя... Знаешь, товарищ утверждает, что он отец нашей Верочки... Что он - Ступаков.

С а в и н о в. Иван...

С т у п а к о в (торопливо). Иван Алексеевич...

С а в и н о в. А нам сообщили, что вы погибли... В штрафном батальоне...

С т у п а к о в. Да, там многие погибали. А я вот не погиб. Выжил. Я живучий. Был в плену... Бежал. (Помолчав, смотрит на фотографию Веры.) Простите, вчера я тут прочитал в газете вашу речь на похоронах академика Любомирова, и захотелось встретиться, расспросить кое о чем... Это же его заботами я в штрафной батальон попал... И вдруг не могу поверить своим глазам. (Указывает на портрет Веры.) Это же моя дочь!.. Ведь она погибла по моей вине...

В прихожей слышится шум и голос Веры: "Всем на построение!.. С оркестром, цветами и шампанским!" Входят В е р а и А л е ш а.

В е р а. Поздравляйте нас! Мы в списках! Теперь Алешка у нас студент!

В е р а и А л е ш а (хором.) Ура... Ура... Ура... (Увидев постороннего, осекаются.)

В е р а (смотрит приветливо). У нас гости?.. Так почему вы так, стоя? Пригласи же, Володя, сесть... (Приглядываясь к гостю, снимая шарфик.) Садитесь, садитесь, пожалуйста. (Ступаков садится. Володе.) Ах, какой ты невоспитанный... И будто не рад нам?.. Что-то случилось?

С а в и н о в. Нет, нет, ничего, Верочка. Просто это товарищ ко мне.

В е р а (поглядывая на гостя). Вы так напомнили мне одного человека... А впрочем, может, показалось...

С т у п а к о в (смотрит, потрясенный). А вы... вы похожи на мою дочь... которая погибла (теребит газету на столе).

М а р и н а Г о р д е е в н а (взволнованно Вере). Пойдемте-ка лучше, я вас накормлю. Вы же с утра не ели.

С а в и н о в (стараясь отвлечь Веру). Да, бывают иногда такие совпадения, сходства... Этот товарищ, Вера, ко мне, по поводу моего выступления на вчерашней панихиде.

В е р а. А-а-а... Ну, тогда извините... Так что, Володя? Вечером придется отметить Алешино поступление в институт? (Треплет шевелюру сына.) Проходной балл - двадцать один, а мы двадцать три набрали! Разве не радость? И никаких поблажек? Представляете?

М а р и н а Г о р д е е в н а (радостно суетясь у буфета, внуку). Как не представить? Вот уж правда - радость так радость. Мать-то извелась совсем, пока ты сдавал...

В е р а (Марине Гордеевне). А вы, мама, разве не извелись? От окна не отходили: идет, не идет...

А л е ш а. Пап, можно, я ребят позову? Генку, Витьку... А Виталька принесет хорошие записи.

С а в и н о в. Ну, конечно, зови. Кого хочешь. Праздник есть праздник.

А л е ш а. Я позвоню им из твоего кабинета. (Уходит.)

М а р и н а Г о р д е е в н а. А есть кто будет?

В е р а. Сейчас, мама, сейчас. (Надевает фартук и обращается к Ступакову.) Вы уж извините, я оставлю вас. Мы тут по хозяйству. (Мужу.) Надо к вечеру торт испечь. И пирог мясной. Побольше. Все-таки столько народу будет. (Уходит на кухню.)

Марина Гордеевна стоит в нерешительности, смотрит на сына и на гостя.

С а в и н о в. Мама, помоги там Вере на кухне, пожалуйста...

М а р и н а Г о р д е е в н а (спохватившись). Хорошо, хорошо,

я помогу. (Уходит.)

Савинов и Ступаков одни. Ступаков смотрит на Верину фотографию.

С а в и н о в. Да, да. Это моя жена, Вера. И она жива. Ее тогда, в сорок третьем, чудом спас случай. И еще золотые руки профессора Любомирова... Вчера мы его похоронили...

С т у п а к о в (с радостью). А я жив! Остался в живых! (Осекается и сникает.) Представляете?.. Это необычная история моего спасения. Тогда же, в сорок третьем...

С а в и н о в (жестко останавливает). Не надо. Это уже другая история. (Твердо.) А что касается Верочкиного отца, то он погиб. Погиб. Понимаете? В сорок третьем! На Западном фронте, в штрафном батальоне. (Многозначительно.) А все остальное для нас уже не имеет значения.

С т у п а к о в (потрясенно). То есть как?! Как не имеет значения?.. Вы меня лишаете права на дочь, на внука?!

С а в и н о в. Вы сами лишили себя этого права!.. Нет у вас ни дочери, ни внука! (Смягчившись.) Вы извините, сын поступил в институт, и сегодня у нас семейный праздник. (Смотрит на часы.) Так что время у меня ограничено.

Ступаков поднимается, теребя газету.

С а в и н о в. Вы хотели что-то спросить о профессоре Любомирове?

С т у п а к о в. Да, собственно, нет... Теперь уже нет. Здесь все написано.

С а в и н о в. Да, там все сказано. И большего я ничего вам не смогу добавить.

С т у п а к о в (хотел подать руку, раздумал). Тогда что ж... до свидания. (Уходя, смотрит на Верин портрет.) Прощайте...

С а в и н о в. Прощайте... Да, вы забыли газету. (Догнав в дверях, отдает. Вернувшись, устало опускается в кресло. В раздумье молчит.)

Входит из кабинета А л е ш а.

А л е ш а. Всех обзвонил. Витюха придет. И Генка. А у Витальки занято. Перезвоню потом. Ужас как есть хочется! (Направляясь в кухню.) Пап, а кто это приходил?

С а в и н о в (раздельно). Да так... Человек из прошлого... Случайно забрел.

Что-то напевая, с полотенцем через плечо появляется В е р а.

В е р а. Ну что, дорогие мои мужчины? Деловые визиты кончились? Можно и отдохнуть? Ах, сколько мы ждали этого дня? Так ведь, Алешка? (Что-то ищет на полках буфета, перебирает баночки.) Где же у нас ваниль? Не могу найти. Какой же торт без ванили? Володя!.. Алеша! Вы не брали ваниль?

Отец с сыном весело переглядываются, хохочут.

А л е ш а. Наша мамуля в своем репертуаре.

В е р а (перебирая). Не то... И это не то.

Достаёт какую-то баночку, трясёт её, открыв, заглядывает и... замирает. Что-то достав из баночки, медленно идёт к Савинову.

В е р а (взволнованно). Посмотри, что я нашла. Помнишь? (Раскрывает ладонь.)

С а в и н о в. Что это?

В е р а. Посмотри. Вспомни. Это осколок снаряда.

С а в и н о в. Осколок из моего плеча. (Задумчиво.) Снаряд отливали и начиняли взрывчаткой где-то на заводе в Германии, потом везли на восток, потом заряжали и наконец стреляли, целясь в меня и в моих солдат. (Смотрит на приближающегося сына.)

А л е ш а. Какой осколок, покажи, пап? (Берет в руки.)

В е р а. Мы еле спасли тебя тогда... Если б не прекрасные руки хирурга Киреевой.

С а в и н о в. И твои золотые руки. (Целует руку жены.) И все-таки он привел меня к тебе...

А л е ш а. Ну, пап, расскажи! Я ж тоже хочу все знать.

С а в и н о в. Обязательно расскажу. Ты это должен знать. (Повеселев, шутливо.) Ты не забыл, сколько тебе лет-то?

А л е ш а (обиженно). Ну, восемнадцать.

В дверях кухни появляется М а р и я Г о р д е е в н а: опершись о косяк, она прислушивается к разговору.

С а в и н о в. Так вот, мы храним его с мамой с тех пор, как встретились. (Подкидывает на ладони.) Как напоминание о прошлом.

В е р а. Да, о прошлом... (Прижимает руку к сердцу.) У меня заболело сердце... Ой... А кто это сейчас у нас был?.. (Смотрит на мужа, затем на свекровь.) Почему вы все так странно молчите?.. Да это же... Это же он!.. Отец мой!.. (К Марине Гордеевне.) Отец, правда? Отец?!

М а р и н а Г о р д е е в н а. Да, это он... Живой.

В е р а. Папа живой?! (Умоляюще смотрит на Савинова. Кричит.) Мой папа-а!.. (Кидается в дверь.) Папа, родненький, я хочу видеть тебя! Па-па-а-а!..

Н е м а я с ц е н а.

З а т е м н е н и е.

З а н а в е с.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Г о р ь к и й х л е б и с т и н ы". Драма. Написана в конце 60-х годов по мотивам повести "Плевелы зла" (см. примечания ко 2-му тому настоящего собрания сочинений) для Винницкого

музыкального драматического театра имени Садовского. Поставлена в ряде театров Украины и РСФСР. В 1975 году Винницкий театр с успехом показал ее на гастролях в Москве.

Опубликована в журнале "Волга" No 10 за 1972 год, в репертуарном сборнике "Наша эстрада" (М., Воениздат, 1974), в однотомнике "Хлеб истины" (М., "Московский рабочий", 1975).

В 1984 году пьеса под названием "Белая палатка" включена в репертуар Центрального академического театра Советской Армии. Готовя пьесу к новой постановке, автор значительно переработал ее, усилив пролог и эпилог, а также усложнив драматургию в целом. В этом виде произведение и предлагается вниманию читателей.

Характерами и судьбами своих героев (Наварин из повести "Плевелы зла", Рукатов из романа "Война" и Ступаков из "Горького хлеба истины") автор утверждает, сколь много зла несут подобные им люди, если позволить им иметь власть.